

ЭФФЕКТНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Триумф Рози

*Заслуживает громких и
очень продолжительных
аплодисментов!*

The Age

ГРЭМ СИМСИОН

*автор всемирных бестселлеров
Проект «Рози» и Эффект Рози*

Проект «Рози»

Грэм Симсион

Триумф Розы

Издательство «Синдбад»

2019

Симсион Г.

Триумф Розы / Г. Симсион — Издательство «Синдбад»,
2019 — (Проект «Розы»)

ISBN 978-5-00131-120-1

Это третья книга о жизни чудаковатого ученого Дона Тиллмана – специалиста по генетике, информатике, приготовлению коктейлей и преодолению трудностей. Дон, Розы и их сын Хадсон переезжают из Нью-Йорка в Мельбурн – там Розы предложили работу над важным исследовательским проектом. Дон продолжает читать лекции, а Хадсона ждет «продвинутая» частная школа. Кажется, в жизни героев началась новая замечательная глава... но неприятности уже тут как тут. Попытка Дона разнообразить учебный процесс приводит к тому, что его обвиняют в расизме. Розы разрывается между работой и семьей. А Хадсон становится в школе «белой вороной». Но Дон Тиллман неспроста называет себя Лучшим Решателем Проблем в Мире. Он разрабатывает уникальную педагогическую программу, которая поможет мальчику вписаться в общество. Но не приведут ли усилия Дона к еще большим бедам?

ISBN 978-5-00131-120-1

© Симсион Г., 2019

© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	20
5	26
6	32
7	35
8	40
9	45
10	49
11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Грэм Симсион Триумф Розы

Graeme Simsion

THE ROSIE RESULT

The Rosie Effect – Copyright © Graeme Simsion, 2019

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2018.

* * *

*Посвящаю всем людям с аутизмом, которые стали источником
вдохновения и поддержки для этих книг*

*Каждый из нас – особый случай.
Альбер Камю*

1

Стоя на кухне на одной ноге, я был занят тем, что открывал устрицы. Тогда-то и начались проблемы. Не будь я ученым, отлично осознающим склонность человеческих существ видеть закономерности там, где их не существует, я мог бы прийти к выводу, что некое божество карает меня за грех гордыни.

Дело было в середине дня. Час или два назад я заполнял аттестационную анкету и добрался до такого вопроса: «Что вы считаете вашей главной сильной стороной/сильными сторонами?»

Словесная конструкция выглядела какой-то туманной: не уточнялся ни контекст, ни уровень обобщения. Очевидный ответ: «Квалификацию в области генетики». Но это явно подразумевалось должностью – профессор генетики. Мои знания о миксоидной липосаркоме скоро не будут иметь особого значения сами по себе, полагал я, ибо мой исследовательский проект на эту тему близится к завершению. «Объективность и высокий уровень интеллекта»? Из этого могут сделать вывод, что я как бы намекаю, будто некоторые представители академических кругов лишены этих качеств. В действительности это так и есть, однако указывать на данное обстоятельство, по всей видимости, бестактно. Мне требовалось всеми силами избежать бестактности.

Я все еще искал ответ, когда Розы пришла домой.

– Что это ты делаешь в пижаме? – осведомилась она.

– Готовлю обед. В многозадачном режиме. Одновременно с кулинарной работой решаю проблему и приседаю на одной ноге.

– Я хочу сказать – почему ты в пижаме?

– Потому что в процессе приготовления пищи имел место небольшой инцидент. Он включал в себя взрыв каштанового ореха. Я пытался ускорить процесс, повысив температуру. Следствие – растительное масло на различных поверхностях. – Я указал на потолок, где виднелись характерные пятна. – Это затронуло и мою одежду. Я избежал дальнейших потерь времени, сразу же переключившись в режим пижамы, вместо того чтобы надевать промежуточный костюм.

– Ты не забыл, что Дейв с Соней придут обедать?

– Разумеется, не забыл. Сегодня вторая среда месяца. День, когда я меняю насадку зубной щетки.

Розы как могла передразнила мой голос (признак того, что она в хорошем настроении):

– «Гости. Пижамы. Комбинация некорректная».

– Дейв и Соня видели меня в пижаме. Когда мы ездили на мыс Канаверал...

– Лучше не напоминай.

– Если у меня есть время на смену наряда, я лучше посвящу это время аттестационной анкете.

И я разъяснил свою проблему.

– Да просто напиши то же самое, что писал в прошлом году.

– Я не заполнял эту анкету в прошлом году. А также в позапрошлом. А также...

– Ты уже двенадцать лет в Колумбийском – и тебе ни разу не устраивали аттестацию?

– Анкету я никогда не заполнял. Всегда возникает какая-то более приоритетная задача.

К сожалению, Дэвид Боренштейн настаивал. Угрожал, что если завтра моя анкета не будет у него на столе, в заполненном виде, то он применит ко мне меры дисциплинарного характера. Не конкретизировал, какие именно.

– И ты застрял на вопросе про сильные стороны?

– Совершенно верно.

– Напиши просто – «решение проблем». Отличный ответ. И не из тех, которые тебе потом припомнят: мол, вот ты написал, а на самом деле... Если ты не найдешь средство от рака, никто не скажет: «Но вы же написали, что хорошо умеете решать проблемы».

– Тебе тоже встречался такой вопрос?

– За последний месяц – всего-навсего раз двадцать.

Проект в области медицинских исследований, которым занималась Розы, тоже подходил к концу, и она подыскивала себе более высокую должность. Это оказалось непросто, поскольку большинство таких позиций подразумевали и клиническую работу. Она аргументировала свою точку зрения так: «Я дерьмовый врач, зато хороший исследователь. Зачем тратить время на то, что у меня плохо получается?» Раньше я применял ту же логику к аттестационной анкете.

– Вероятно, ты при этом давала упомянутый тобой оптимальный ответ, – предположил я. – «Решение проблем».

– Обычно я отвечаю «хорошо умею работать в команде», но в твоём случае...

– Мне это могут припомнить.

Розы рассмеялась:

– Я сама все заполню до конца, так что у тебя как раз будет время привести себя в приличный вид. Это и есть работа в команде, видишь? – Вероятно, она заметила выражение моего лица. – Когда я закончу, можешь проверить.

Обрабатывая оставшиеся устрицы, я размышлял над предложением Розы. У меня вызывал чувство удовлетворения тот факт, что мой партнер выявил во мне качество, которое я сам прежде не осознавал. А я ведь действительно хорошо умею решать проблемы!

Моим преимуществом мог считаться нетипичный (другие использовали в таких случаях слово «чудноватый») подход к анализу ситуаций и реагированию на них. За мою двадцатипятилетнюю карьеру он неоднократно позволял мне преодолевать различные повседневные препятствия и инициировать серьезные прорывы (не только в области научных исследований). Кроме того, он принес существенную пользу и моей личной жизни.

В двадцать лет, будучи студентом, специализирующимся в области компьютерных наук, я обладал слишком низкой социальной компетентностью даже по меркам двадцатилетних студентов, специализирующихся в области компьютерных наук. Мои перспективы найти партнера следовало оценивать как нулевые.

Теперь же, во многом благодаря сознательному применению методик решения проблем, я профессионально занимался увлекательной и хорошо оплачиваемой работой, был женат на самой красивой в мире и самой совместимой со мной женщине (Розы), являлся отцом талантливого и счастливого десятилетнего ребенка (Хадсона), который и сам уже демонстрировал признаки того, что становится мастером инновационного решения проблем.

Я выявил биологического отца Розы среди шестидесяти пяти кандидатур, спас бизнес моего друга Дейва (производство и продажа холодильников) от финансового коллапса, а кроме того, после детального анализа клиентских предпочтений в баре, где мы с Розы работали на полставки, придумал коктейль, который получил затем приз «Выбор жителей Нью-Йорка».

Состояние моего здоровья было превосходным – отчасти благодаря регулярным урокам боевых искусств и фитнес-программе, каковую мне удалось интегрировать в другую мою деятельность. Мне оказывала психологическую поддержку наша мужская группа – в лице Дейва и бывшего музыканта по имени Джордж.

За более чем двенадцать лет брака мое творческое мышление породило житейский распорядок, вполне отвечавший живому и непосредственному темпераменту Розы, однако позволявший не идти на неоправданные жертвы, от которых страдает эффективность. Я бы предпочел большее количество секса, однако частота соответствующих актов и так превышала среднее значение для наших возрастов и общей продолжительности наших отношений. К тому же она была неизмеримо больше, нежели до моего знакомства с Розы.

Единственным заметным пятном на этом безупречном фоне являлось прекращение моей долгой дружбы с Джином, моим наставником. Но даже с учетом данного фактора следовало признать: кривая на графике моей удовлетворенности жизнью, если бы я отслеживал этот параметр, ныне находилась бы в области своего максимума.

Я вернулся к устрице, которая до сих пор не предоставила точку входа для моего ножа. В нижнем ящике стола имелся целый набор инструментов, включая и плоскогубцы. Если я обломаю ими край устричной раковины, то создам просвет, в который можно будет вставить лезвие. Я позволил себе несколько мгновений удовлетворения. Дон Тиллман, Лучший Решатель Проблем в Мире.

Тут появилась Розы с моим ноутбуком в руках:

– Что ты хочешь написать насчет областей, в которых ты желал бы усовершенствоваться?

Я поставила – «мода».

– Ты уже упоминала о пижаме.

– Я шучу. Но вообще-то всегда есть в чем себя улучшить. Это у тебя туристские носки, да?

– Многоцелевые. Чрезвычайно теплые.

Я повернулся к ней, следуя известной социальной конвенции, согласно которой люди смотрят друг на друга во время устного общения. Одновременно я, удерживаясь на одной ноге, опускался вниз, чтобы получить прямой доступ к плоскогубцам, вытягивая свободную ногу так, чтобы рабочая голень сохраняла вертикальное положение, требуемое при выполнении подобных приседаний. Одной рукой я тянулся к ящику, в другой находились устрица и нож.

Погрузив руку в ящик, находившийся у меня за спиной, я ощутил повсеместную клейкость. Когда я позже мысленно вернулся к этой ситуации, суть произошедшего стала очевидна. Недавно Розы велела Хадсону положить принадлежности для завтрака на место после использования. Видимо, в процессе уборки со стола он мысленно концентрировался на какой-то другой теме, поэтому и поместил бутылку с кленовым сиропом в произвольно выбранный ящик, при этом положив ее набок и не закрутив крышку.

Я стремительно отдернул руку – примитивная реакция на неожиданное. И в результате потерял равновесие.

Оптимальным решением было бы возвращение приподнятой ноги на пол. Но я, инстинктивно не желая прерывать упражнение, схватился за другой ящик, который не оказался в достаточной мере зафиксированной опорой. По-видимому, я поскользнулся на растительном масле, оставшемся на полу после взрыва каштана. Итоговым результатом стало мое падение на пол – впрочем, не очень болезненное.

Розы захохотала.

– Многозадачность, – проговорила она. – Тебе явно стоило бы подтянуть многозадачность. – И тут же: – Вот черт, ты порезался!

Ее диагноз оказался верным. Нож вонзился мне в заднюю часть голени. Розы опустилась на колени, чтобы осмотреть область поражения.

– *Ни в коем случае не передвигай его!* – Хадсон стоял в дверном проеме, также облаченный в пижаму, как всегда, по средам после школы.

– Ничего-ничего, – отозвалась Розы. – Он не повредил позвоночник.

– Откуда ты знаешь? – осведомился Хадсон.

– Я же врач, забыл?

Аргумент не отличался убедительностью, если учесть, как сама Розы оценивала свою компетентность в качестве практикующего медика. Нож вошел на некоторую глубину, и на полу начала образовываться лужа крови.

– Надо скорую вызвать, – заявил Хадсон.

– Прекрасная идея, – заметил я.

- Где твой телефон? – спросила Розы.
- В своем чехле. Собственно, я на нем лежу.
- Не двигайся! – вскричал Хадсон, вклиниваясь между Розы и мною.
- Можно нам воспользоваться твоим телефоном? – спросил я у Розы.
- Хадсон, иди посмотри у меня в сумочке.
- Ты обещаешь, что не будешь его передвигать? *Обещаешь?*
- Обещаю. Давай, притащи мой телефон.

– Вероятно, меня повезут в больницу, – предположил я. – К тому времени проблемная устрица уже, по-видимому, достаточно расслабится, чтобы ее можно было открыть традиционным способом.

- Дон, выкинь ты из головы этот ужин.
- Тебе надо будет подать аттестационную анкету. Поскольку дедлайн...

Хадсон вернулся с телефоном Розы. Она ткнула пальцем в экран и изрекла: «Вот дрянь». Я сделал вывод, что аккумулятор ее аппарата разряжен: такое нередко имеет место, так как она не придерживается четкого режима подзарядки.

По счастью, в дверь позвонили. Явились Дейв и Соня – самозанятый специалист и финансовый контролер (соответственно). Я подумал: почти наверняка хотя бы один из них имеет при себе работоспособный телефон. Хадсон нажал на кнопку, отпирающую электронный замок.

Соня, как нетрудно было предсказать, одновременно продемонстрировала истеричность, критичность и практичность:

– О господи, я прямо так и ждала, что в один прекрасный день с тобой что-нибудь такое стряется. Просто безумие какое-то – приходишь домой с работы и вынужден готовить. Ты двигаться можешь?

- Не надо об этом, – предостерегла ее Розы. – Просто вызови скорую.
- Уже набираю, – сообщил Дейв. – Ты не против, Дон?
- Совершенно не возражаю.

Розы безмолвно смотрела на свой телефон.

– Все в порядке? – спросила Соня. Вопрос прозвучал несколько странно, однако Розы, вероятно, интерпретировала «в порядке» как *«в порядке, если не считать того, что Дон лежит на полу, истекая кровью, а Дейв вызывает скорую помощь»*.

– Я работу получила. – Розы повторила это громче, после чего начала плакать. – Я работу получила. Ту самую, про которую думала, что она мне вообще не светит.

- Какую именно работу? – спросил я, глядя на нее с пола.
- У Иуды.

Имелся в виду профессор Саймон Лефевр, ее бывший коллега, обитающий в Австралии. Он несколько лет «встречался» с нашей подружкой Клодией, пока его не застали за актом измены ей.

- Иуда переезжает в Нью-Йорк? – уточнил я.
- Нет, это там, в Мельбурне. Так и знала, что ты тогда не слушал.

По всей видимости, я тогда все-таки слушал, однако игнорировал факторы, касающиеся кадрового состава и местоположения, чтобы сосредоточиться на действительно важных параметрах. Я мог бы найти место в университете, где бы мы ни проживали, тем более что соображения статуса меня не заботили. Теперь пришла очередь Розы продвигать свою карьеру – после того, как она несколько лет брала на себя основную долю рисков, сопряженных с выражением Хадсона.

– А что, из-за этого будут какие-то сложности? – спросила у меня Розы.

– Разумеется, нет. Новость великолепная. И мне уже не понадобится заполнять аттестационную анкету. Более того, нам следует выпить, чтобы это отпраздновать. Незамедлительно.

Розы покачала головой:

– Мы возвращаемся домой. Надо мне Филу позвонить. (Фил – это отец Розы.)

Мысль о грядущих успехах Розы стала более чем адекватной компенсацией боли в моем коленном сгибе. Кривая удовлетворенности жизнью снова пошла вверх. В последний раз. Я заметил, что Хадсон стоит в дверях, сжимая голову обеими руками.

Возможно, дело тут было в необычной зрительной перспективе, открывавшейся с пола, в сочетании с тем фактом, что Хадсон был одет в пижаму; но меня поразило, как сильно он успел вырасти и при этом – каким юным до сих пор выглядит. Темные волосы (нехарактерно длинные, если учитывать его возраст), очки в черной оправе: он чрезвычайно походил на десятилетнего меня, и явно огорченное состояние лишь усиливало это сходство.

На кухне воцарилось молчание. Все мы воззрились на Хадсона.

– У тебя все в порядке? – осведомилась Соня.

– Нет. Я не хочу в Австралию. Я не хочу менять школу. И вообще я не хочу ничего менять.

2

К июню наше положение существенно изменилось. Мы переехали в дом с тремя спальнями, расположенный в «модном» ближнем пригороде Мельбурна под названием Норткот, откуда можно быстро доехать до университета на велосипеде. У нового жилища имелся сад, гараж и достаточно пространства для библиотеки научно-фантастических романов, которую собирал Хадсон и которая теперь распространилась за пределы его комнаты – в коридор.

Мое подколенное сухожилие постепенно заживало. Розы работала у Иуды, Хадсон посещал школу, а я нашел себе место профессора генетики. Все это вполне вписывалось в диапазон возможностей, на который мы рассчитывали в ходе предварительного планирования.

Однако за это же время возникло пять новых проблем. Вот они (в порядке возрастания остроты):

1. Проблема нахождения средства от рака. Я присоединился к исследовательскому проекту по оценке различных индивидуальных подходов к лечению онкологических заболеваний – подходов, учитывающих генетические особенности пациента. Работа обладала большой потенциальной ценностью, однако я обладал недостаточно высокой квалификацией для такого занятия. Научного руководителя проекта очень впечатлил мой диплом специалиста по информатике, но эта сфера чрезвычайно сильно изменилась за двадцать девять лет, прошедшие с тех пор, как я переквалифицировался в генетика. Я отказался от всех факультативных видов деятельности (в том числе от айкидо и карате), чтобы ликвидировать свое отставание, однако онлайн-курсы отнимали время и интеллектуальные ресурсы, которые требовались мне для решения более серьезных проблем.

Уже дав согласие стать одним из участников проекта, я узнал, что Ласло Гевеши, мой друг, работающий на физическом факультете, также подавал заявку на участие. Это была бы идеальная кандидатура, но он, что вполне предсказуемо, «плохо показал себя на собеседовании». Он не мог назвать в качестве своих сильных сторон «умение работать в команде» или «хорошее чувство моды и стиля». Впрочем, страдающие онкологическими заболеваниями едва ли стали бы жаловаться, что средство от их недуга открыл человек, работающий за компьютером в велосипедном шлеме и велосипедных же очках.

Для меня тут имелся и личный аспект. У моего отца был рак простаты, уже не на первой стадии, и мать была очень рада, что мы возвращаемся в Австралию. Я объяснил ей, что, к тому времени как результаты моих исследований сколько-нибудь повлияют на клиническую практику, отец наверняка умрет если не от рака, то от старости.

Я не исключал, что вопрос недостаточной профессиональной компетентности решится сам собой – из-за второй проблемы.

2. Возмутительная ситуация на лекции по генетике. В результате допущенной мной ошибки при вынесении суждения для меня возник определенный риск увольнения. В скором времени мне следовало предстать перед дисциплинарной комиссией, и задача по тщательной подготовке моей защиты перед лицом предъявленных обвинений уже отняла у меня сто двадцать восемь часов, если не учитывать перерывы на сон.

Розы предложила радикальное решение:

– А ты пошли их к чертям собачьим. В частном секторе сможешь в два раза больше получать. И никаких лекций.

Она убедила меня предложить свои услуги одной небольшой компании, которая занималась редактированием генома.

– Ты же это дело обожаешь, – заявила Розы. – Вечно рассказываешь про редактирование генома. Вот тебе шанс реально за него взяться.

– Я не обладаю необходимыми познаниями.

– Ну так научись. Ты ведь сейчас и так каждый вечер только и делаешь, что учишься, разве нет?

Собеседование прошло неожиданно гладко. Мой потенциальный работодатель, Дан Мин, женщина приблизительно сорока лет, чей энтузиазм граничил с маниакальностью, показала мне лабораторию, попутно сообщив, что скоро исследователи переедут в новое помещение.

– Мы изменяем мир. Каждый день решаем неразрешимые проблемы. Как можно не хотеть тут работать?

Ответ: я опасался применять свои профессиональные навыки – и навыки межличностного общения – за пределами академического мира. Мне казалось, что это сопряжено с немалым риском. Тем не менее это означало, что у меня все-таки есть варианты. В отличие от моего друга Дейва.

3. *Катастрофическое положение Дейва.* Мой друг Дейв также перенес травму коленной области и в настоящее время не мог выполнять функции инженера холодильных установок. Из-за особенностей американской системы компенсаций по временной нетрудоспособности, или из-за его неудачной страховой политики, или вследствие того факта, что инцидент произошел не на работе, а в баре, он пребывал в тяжелой финансовой ситуации. Соня, которая недавно произвела на свет их второго ребенка (зачатого, как и первый, методом экстракорпорального оплодотворения), вынуждена была выйти на работу раньше запланированного срока. Теперь уход за младенцем вошел в сферу ответственности Дейва, и он не выказывал особого удовольствия по поводу своей новой роли. Розы отнеслась к этому критически:

– Скажи ему: добро пожаловать в клуб. Женщины занимались этим всегда.

Вероятно, восстановлению здоровья Дейва препятствовал его ненормально высокий вес (индекс массы тела на момент нашего с Розы отбытия из Нью-Йорка: тридцать пять). Во время наших еженедельных бесед по скайпу я призывал его поменьше есть и уделять побольше времени реабилитационным упражнениям. Неуспехи Дейва на обоих направлениях, судя по всему, свидетельствовали о каких-то отклонениях его душевного состояния от нормы. Мне как члену команды его психологической поддержки требовалось отыскать способ это исправить.

4. *Розы на распятии.* Название этой проблеме дала Розы, основываясь на известном цикле романов Генри Миллера. На самом деле упомянутый цикл именуется «Роза распятия», так что лично я не стал бы проводить здесь параллель.

Розы пригласили возглавить проект по изучению биполярного расстройства (предполагалось, что он начнется с пилотного исследования). Это и была та «работа мечты», которая подтолкнула нас к смене места жительства. Затем, в наши первые месяцы после возвращения в Австралию, Хадсон столкнулся с некоторыми трудностями на послешкольных занятиях, и Розы, *с согласия Иуды, ее менеджера*, сократила свое время пребывания на работе, чтобы иметь возможность забирать сына из школы три дня в неделю. Остальные два дня эту обязанность выполнял Фил, ее отец.

Впоследствии, когда шла подготовка финансовой заявки по основному проекту, Иуда использовал рабочий статус Розы («неполная занятость») как повод сместить ее с позиции научного руководителя проекта.

– Даже не посоветовался со мной. Просто отдал мою работу Стефану.

– Следовательно, тебя понизили?

– Должность какая была, такая и осталась. Но я теперь не руковожу исследованиями.

– Значит, никакой менеджерской работы? Никаких заседаний? Никакой мороки с проблемами подчиненных? Ты так много жаловалась по поводу этих пунктов. Невероятно. И ты добила этого – и тебе даже не пришлось демонстрировать свою некомпетентность. Нам следует это отметить.

– Дон, я *хочу* руководить исследованиями.

– Значит, нам стоит изучить альтернативные программы школьного продленного дня, которые могут позволить тебе вернуться к работе в полноценном режиме.

– Нет. Хадсону надо проводить время хотя бы с одним из нас. И мы знаем, кто это должен быть.

Мы уже обсуждали данный вопрос. Будучи старше Розы, а кроме того, длительное время проработав в режиме полного дня без значительных перерывов, я имел существенно более высокий доход по сравнению с ней. То, что Розы сократила число рабочих часов ради того, чтобы вновь сидеть с Хадсоном, лишь укрепляло этот порочный круг.

Я рассматривал проблему Розы на распятии как вторую по важности. По этому показателю она уступала лишь соображениям о счастье нашего ребенка.

5. *Проблема адаптации Хадсона.* Реакция Хадсона на переезд оказалась вполне предсказуемой. Подобно мне, он негативно воспринимал какие-либо модификации устоявшегося порядка вещей. Это был рациональный отклик на необходимость заново осваивать или заново оптимизировать некую область жизни, в которой и так все было хорошо. Однако некоторые жизненные перемены неизбежны. Для Хадсона такие перемены (в особенности связанные с детским садом, дошкольными занятиями и собственно школой) были травматичными, и их воздействие на него зачастую продолжало проявляться и после перемены как таковой.

В Нью-Йорке, через несколько недель после того, как Хадсон начал ходить в школу, его учительница отошла от своей обычной практики провожать детей после окончания учебного дня, чтобы передать их родителям. Хадсон не запомнил маршрут от класса до школьных ворот и не успел подружиться с кем-либо, кто мог бы обладать такими познаниями. Один неверный поворот привел к тому, что он заблудился – к счастью, в пределах пришкольной территории, однако, к тому времени как Розы получила доступ на означенную территорию и установила местоположение Хадсона, тот уже был чрезвычайно расстроен.

Это происшествие стало лишь первым в череде нескольких схожих инцидентов, большинства из которых можно было бы избежать, заблаговременно известив Хадсона, что ему понадобится запоминать местонахождение различных пространственных ориентиров и схему необходимых поворотов. Однако школа интерпретировала случившееся как сознательные действия с его стороны («он куда-то забрел»), а не как вполне предсказуемое последствие того факта, что мозг Хадсона не оснащен функцией бессознательной записи проходимых маршрутов.

Розы не имела возможности работать в полноценном режиме, пока Хадсон не «освоился» в другой начальной школе. В течение некоторого периода времени ее единственным оплачиваемым занятием являлось приготовление вместе со мной напитков в коктейль-баре.

Хадсон демонстрировал значительный разброс показателей успеваемости по школьным предметам. Математика: отлично. Спорт: чудовищно. Английский язык: превосходно. Чистоеписание: абсолютно неразборчиво. Естественные науки: готов к более серьезным вызовам. Искусство: не готов. Дома он с удовольствием предавался чтению, предпочитая его всем другим видам деятельности.

Во взрослом мире неравномерное распределение способностей ценнее, нежели посредственность во всем. Для меня не имеет никакого значения, насколько эффективно мой врач умеет ударять палкой по мячу (или добираться до работы, не глядя на уличные указатели), но мне бы хотелось, чтобы она была максимально сведуща в сфере практической медицины. Между тем в школе ситуация обратная: там считается явным *недостатком*, если вы не проявляете ненавязчиво-средних успехов в каждой области (за исключением спорта, где допускаются показатели выше среднего).

Однако в том же Нью-Йорке, в новой школе, учителя и одноклассники Хадсона вроде бы приняли его личностную конфигурацию. У него имелись два друга, мужского и женского пола. Он успешно взаимодействовал с Зиной, дочерью Дейва и Сони. Казалось, все идет хорошо.

Это очень контрастировало с моим собственным школьным опытом в австралийской сельской местности, в городке Шеппартон, – то было худшее время в моей жизни.

Вернувшись в Австралию, мы записали Хадсона в частную школу, которая в ходе проведенного мной предварительного анализа различных параметров дала чуть более высокие показатели, чем ближайшая к нам государственная. Она представляла собой комплекс из двух учебных заведений (для начального и среднего образования – «начальные классы» и «старшие классы»), ее программа по математике именовалась «продвинутой», и к тому же руководство школы заявляло, что поощряет разнообразие.

Разнообразие означало, в частности, что там обучаются и представительницы женского пола. Розы полагала, что это чрезвычайно важно.

– Не хочу, чтобы он считал женщин каким-то другим биологическим видом, – объявила она.

В ответ я заметил, что посещал государственную школу, где практиковалось совместное обучение, и в итоге стал рассматривать подавляющую часть человечества как чуждый мне биологический вид.

– Может, и так. Но ты, по крайней мере, имел шанс изучить оба пола.

Хадсон стал посещать эту школу с последней четверти пятого класса. Поначалу нам казалось, что собственно образовательная составляющая ему нравится. Розы выражала беспокойство по поводу отсутствия у сына друзей, но я полагал, что она использует в качестве стандарта свою собственную легкость налаживания социальных взаимоотношений. Хадсон жаловался лишь на плохую организацию программы продленного дня – непоследовательной и не имеющей доступного ученикам расписания. Именно это привело к тому, что Розы решила забрать Хадсона с послешкольных занятий, что, в свою очередь, привело к вышеупомянутой череде событий у нее на работе.

Но теперь, по прошествии восьми месяцев, когда Хадсон уже завершил пятьдесят процентов своего последнего года начального образования¹, мы были убеждены: что-то пошло не так. Успеваемость Хадсона снизилась, и, хотя пометки в его табеле можно было трактовать двояко, Розы пребывала в уверенности, что они призваны сигнализировать нам о «проблемах». Мы договорились о встрече с учителем Хадсона, записавшись на двенадцатый день третьей четверти.

Розы также подозревала, что Хадсон не раз симулировал болезнь, чтобы избежать необходимости являться в школу. Дома, сталкиваясь с какими-то трудностями, он нередко впадал в бурное отчаяние. Проблема зрела, потихоньку росла, как общее недомогание, предшествующее проявлению полного набора симптомов недуга. Я ждал, когда недуг проявит себя, осознавая: как только это случится, данная проблема станет приоритетной на фоне всех прочих обстоятельств.

¹ В школах штата Виктория начальное школьное образование – это обычно семь классов: подготовительный класс и классы (годы) 1–6. Дальше следуют старшие классы. (Здесь и далее – прим. пер.)

3

Телефонный звонок, сигнализирующий об эскалации *Проблемы адаптации Хадсона*, поступил в пятницу утром, в 10:18. Еще в пять часов утра Розы доставила Хадсона в школу: учащимся предстояла трехдневная поездка в одну из заснеженных горных областей штата. Он уже несколько дней увлеченно рассказывал о предстоящем мероприятии и, казалось, был полон энтузиазма и хорошо проинформирован.

Я находился дома, готовясь к дисциплинарным слушаниям по вопросу о *Возмутительной ситуации на лекции по генетике*, каковые слушания были назначены на сегодняшний день.

Инцидент, который должен был стать предметом обсуждения, имел место во время последней лекции перед каникулами. Мы завершили прохождение обязательной программы за двадцать четыре минуты до официального окончания лекции, и я увидел возможность применить одну из рекомендаций, почерпнутых мною на семинаре, который меня некогда убедили посетить, и повисить «интерактивность» учебного процесса.

– Есть какие-нибудь вопросы? – произнес я. Раздалось коллективное «ах», редкие аплодисменты и перешептывание. Поощрять вопросы – давняя традиция. Но обычно каждый вопрос отражает лишь то, что заботит одного студента, и представляет минимальный интерес для остальных. Запретив вопросы, я получил возможность упаковывать в каждую лекцию максимальный объем информации.

Одна студентка (по моей оценке, лет двадцати с небольшим) подняла руку:

– Профессор Тиллман, вы верите, что расы имеют генетическую основу?

Она покосилась на женщину, сидящую рядом – возможно, в поисках подтверждения, что вопрос был задан корректно.

– Тема интересная, но она лежит за пределами нашего курса, а следовательно, и экзамена.

Я ожидал, что это положит конец дискуссии, однако, к моему немалому удивлению, другие студенты также дали понять, что хотели бы получить ответ. Тема *действительно* оказалась интересной.

Для начала я рассмотрел отсылку вопрошательницы к «вере», отметив, что это понятие следует применять в науке как можно реже и с большой осторожностью. За те несколько минут, которые ушли на повторение этой хорошо отрететированной за годы практики поправки, мое подсознание породило блестящую идею, которая, как я был уверен, могла бы произвести впечатление на участников семинара «Как увлечь ум миллениала».

Мельбурн – один из наиболее разнообразных в этническом отношении мегаполисов мира, и состав присутствующих в аудитории студентов вполне подтверждал это. Многие изучали генетику, намереваясь затем избрать в качестве основной специальности медицину – популярный карьерный выбор для мигрантов и их детей, а также для зарубежных студентов.

Я предупредил аудиторию, что участие в последующих действиях не является обязательным. Затем я пригласил на сцену трех внешне архетипических представителей «трех основных рас» (согласно определению, сформулированному в конце девятнадцатого века): высокую, не очень молодую женщину из Ганы по имени Беатрис (я знал, что она – начинающий врач-терапевт); единственного в аудитории скандинава – датчанина крепкого телосложения, чье имя не было мне известно; а из многочисленных китайских студентов и студенток я выбрал девушку по имени Хунь. Ее небольшой рост и худоба представляли разительный контраст с впечатляющей высотой Беатрис и мускулистостью датчанина.

Негроид, европеоид и монголоид. Я прекрасно знал, что данные термины больше не считаются приемлемыми. Когда я напомнил об этом, студенты выглядели потрясенными. Я заключил, что преподавал аудитории запоминающийся урок на тему субъективности и изменчивости

классификационных схем. Женщина, задавшая исходный вопрос, теперь осуществляла видеозапись нашего упражнения с помощью смартфона.

Три вызванных мной студента посмотрели друг на друга и расхохотались. Глядя на них, я вполне мог понять, по какой причине ученые прошлого заявляли – совершенно необоснованно, – что такие люди представляют отдельные подвиды *Homo sapiens*.

На второй стадии демонстрации я намеревался оспорить это упрощенное разделение. Я направил каждого из выбранных трех студентов в определенный угол сцены, после чего обратился к аудитории:

– Рассмотрим эту площадку как основу для графика, построенного в двух измерениях. В нулевой точке находится Беатрис – в силу того, что человечество зародилось в Африке. Хунь располагается на оси X, а студент мужского пола с бледной кожей и голубыми глазами находится на оси Y.

Датчанин прервал меня:

– Я Арвид. Ариец Арвид. Мой прадедушка очень бы гордился, что меня сюда вызвали. Но это как раз, пожалуй, не очень-то хорошо.

Тут и там в аудитории зашептались. Миллениалов явно увлекло упражнение.

Я продолжал:

– Прошу всех студентов расположиться на этом графике в соответствии со своими внешними характеристиками. – Я снова не забыл добавить: – Участие не является обязательным.

Поучаствовать решили почти все. Двумя исключениями стали женщина, задавшая исходный вопрос (она все еще была занята процессом видеозаписи происходящего), и ее подруга. Остальные забрались на сцену и занялись своей пространственной организацией – подобно тому, как мы это проделывали на семинаре в рамках упражнения «Постройтесь по уровню опытности», которое и стало для меня источником вдохновения. Через несколько минут Беатрис покинула свое место в нулевой точке и приблизилась ко мне.

– Профессор Тиллман, вы уверены, что это хорошая идея? – осведомилась она.

– Вы наблюдаете какие-то проблемы?

– У меня-то проблем нет. – Она рассмеялась и указала на небольшую группу вокруг Арийца Арвида. – Но смотреть, как эти парни спорят, кто из них самый белый, – убиться можно!

Дискуссия между индийскими и пакистанскими студентами также шла весьма оживленно.

Когда позиции студентов стабилизировались, я приступил к разбору проведенного упражнения, подчеркнув то, что теперь было совершенно очевидно: мы имеем дело не с обособленными категориями, а со спектром. Точнее, даже со множеством спектров. Я планировал перейти к обсуждению возможных объяснений стремительной эволюции частных физических особенностей, напрямую не связанных с выживанием. В этот момент у меня зазвонил телефон.

Во время лекций мой телефон запрограммирован так, чтобы реагировать лишь на звонки с рабочего номера Розы, каковые звонки, в соответствии с выработанной между нами договоренностью, подразумевают в подобных ситуациях какое-то чрезвычайное происшествие.

– Какого хрена, что там творится? – поинтересовалась Розы в трубке.

Меня несколько смутили ее слова.

– Это ты должна *мне* сказать, что творится, – заметил я. – Вероятно, ты звонишь сообщить о каком-то ЧП.

– ЧП – это ты. Уже по всему Твиттеру разошлось. *Что ты делаешь?*

– Ты сидишь в Твиттере? На работе?

– Мне одна колумбийская подруга позвонила.

– Значит, с тобой связался кто-то из Южной Америки – и...

- Подруга из *Колумбийского университета*. Где ты десять лет *работал*.
- Двенадцать.

Общую неясность происходящего усугубила еще одна помеха. В лекционный зал вошли три сотрудника службы охраны. Один из них приблизился ко мне, подтвердил мою личность и вывел меня наружу. После этого я больше не являлся непосредственным свидетелем событий, однако из формулировки вызова на заседание дисциплинарного комитета и благодаря визиту Беатрис смог составить некоторое представление о том, что впоследствии произошло.

Если коротко: многочисленные сообщения, размещенные в Твиттере, живописали меня как адепта именно тех расовых теорий, которые я стремился развенчать, а кроме того, как сторонника дискриминации, евгеники и публичного унижения человеческого достоинства.

Всем студентам, посетившим данную лекцию, предложили помощь психотерапевта, а один подал официальную жалобу. Шумиха в соцсетях привела к появлению в традиционных средствах массовой информации трех авторских колонок, посвященных мне. В них неверно трактовались факты и заявлялось, что мое поведение – симптом распространенного общественного недуга. Это было для меня внове: я успел привыкнуть, что меня порицают за необычность, а не за типичность. Лишь один журналист связался со мной при подготовке своей публикации, и статья, которую он написал, показалась мне точной и взвешенной. К сожалению, он был (цитирую Розы) «чокнутым правым», и его взгляды по вопросам, не связанным с обсуждаемой темой, позволяли предположить, что университет отнесется к нему без малейшего уважения.

Текст, который я написал в свою защиту, занял шестьдесят две страницы, и Розы настаивала, чтобы я сделал «краткую выжимку».

- Это и есть выжимка.
- Она покачала головой:

– Ты говоришь, что использовал творческий подход к преподаванию, чтобы представить один из доводов, выдвигавшихся учеными прошлого, на рассмотрение научно грамотной аудитории, от которой не требовалось обязательное участие, и что если бы тебя не прервали, то твои выводы соответствовали бы не только современному научному мышлению, но и прогрессивным философским и политическим взглядам. Суть ведь в этом?

– Ты гений. Невероятная лаконичность. Все это верно. И полностью снимает с меня всякие обвинения.

– Я бы не стала на это рассчитывать. Когда принимают решение по таким вопросам, смотрят не на научную точность.

Мне разрешалось привести на слушания одного «сопровождающего», который мог оказывать мне «поддержку». В связи с этим мне поступило предложение из неожиданного источника – от профессора Шарлотты Лоуренс. Некогда она занимала в нашем университете должность декана, теперь же возглавляла административную службу в другом университете.

В былые времена мы с профессором Лоуренс спорили – более того, *сталкивались* – по многочисленным поводам.

Почти всегда речь шла о конфликтах между личной/профессиональной репутацией (эту сторону представлял я) и имиджем университета (эту сторону представляла она). Однако профессор Лоуренс была признанным специалистом по административной работе в научных учреждениях, и комиссия отнеслась бы к ее мнению с большим уважением и доверием. Меня поразило, что она вообще пожелала иметь со мной дело.

Ее оценка ситуации в общем совпадала с оценкой, которую дала Розы: университет будет озабочен не только установлением истины.

– Что бы они в итоге ни выяснили, они беспокоятся, что всякая будущая заявка на грант, в которой будет значиться твое имя, привлечет нездоровое внимание.

Профессору Лоуренс не требовалось развивать этот тезис. В академическом мире способность привлекать финансирование котируется выше всех прочих качеств.

Она посоветовала мне собрать характеристики и рекомендательные письма, описывающие меня как личность.

– И не только от белых гетеросексуальных мужчин, – добавила она.

– Какое значение тут имеют ориентация и половая принадлежность? Меня же обвиняют в расизме.

– Дон, не вынуждай меня с тобой спорить, а то я раздумаю помогать. Ты – белый мужчина-натурал, который всю жизнь провел в лучших университетах западного мира. Ты – просто олицетворение привилегированности.

Несколько дней спустя мы с ней встретились снова. Новости у меня были, прямо скажем, неутешительные. Дэвид Боренштейн, мой бывший декан, ответил на мое электронное письмо, сообщив, что никто из Колумбийского не намерен давать мне рекомендацию: «Когда речь заходит о расизме, нет и не может быть ни нюансов, ни исключений. В подобной ситуации наша организация не может позволить себе никакой реакции помимо недвусмысленного осуждения. Случись такое в Колумбийском университете, у меня не было бы иного выхода, кроме как немедленно разорвать контракт с вами, невзирая на мое давнее восхищение вами как профессионалом и человеком».

Послание Дэвида лишь усугубило мое недоумение по поводу готовности профессора Лоуренс выступить в мою защиту. Ее объяснение оказалось весьма похожим, даже по фразеологии, на газетную статью, автор которой меня поддержал, – вплоть до выражений «искусство оскорбляться», «индустрия возмущения» и «политика идентичности». Казалось, профессор Лоуренс тоже принадлежит к числу «чокнутых правых». Я не преминул указать на это.

– Дон, – отозвалась она, – мы с тобой давно знакомы. Тебя трудно назвать образцом тактичности и деликатности, но я никогда не сомневалась в твоей добросовестности и порядочности. А я прежде всего ученый и хочу, чтобы ученые ни при каких обстоятельствах не боялись свободно думать и высказываться о вопросах науки.

На Розы произвело большое впечатление, что в дело вступила профессор Лоуренс.

– Думаю, перед тем как начать петь гимн академической свободе, Шарлотта неплохо по тебе проехала. В смысле – устроила тебе выволочку.

– Мне известен смысл обоих этих разговорных выражений. Нет, никакой головомойки не было. А также нахлобучки.

– Черт побери, Дон. Она ведь лесбиянка, да?

– Вероятно. Ее партнер – женского пола. А что?

– А то, что я женщина, и мне всю жизнь приходилось иметь дело со всякими такими штуками. Дискриминация, особое отношение, что-нибудь в газете, по телевизору, на рекламном щите, пустячки, на которые и не пожалуешься – потому что иначе всем покажется, что ты цепляешься ко всякой ерунде. Но они все накапливаются. Из-за них жизнь идет не так хорошо, как могла бы. И это каждый день. И с этим ничего не поделаешь. А теперь, когда я мать, стало еще хуже. То, как со мной говорят, когда я вместе с Хадсоном. И на работе... не только Иуда – все видят во мне в первую очередь родителя. А вот со Стефаном они ведут себя не так, хотя у него ребенку четыре года. Думаю, все было бы еще хуже, окажись я лесбиянкой.

– Я не выдвигал предположений о том, что какая-то раса – низшая или высшая. Тогда как именно это служит основополагающим определением...

– Дон, ты меня не слушаешь. Представь себя на месте одного из своих студентов, который приехал... ну там я не знаю, неважно... допустим, из Индии. Или у него родители из Индии. Ты ни на минуту не можешь забыть, какого цвета твоя кожа и что из этого вытекает. Тебя вечно спрашивают: «Ты откуда?» – даже когда это вообще не имеет значения. Ты делаешь что-нибудь хорошее или что-нибудь плохое – и к этому обязательно приплетут тот факт, что ты индеец.

Может, ты учишься на врача, и после всех твоих трудов кто-нибудь, чью жизнь ты спасаешь, подумает: «Лучше бы это был белый доктор». И ты будешь знать, что он это думает. – Розы сделала паузу и рассмеялась. – Ну ладно. Ты, может, и не будешь знать.

– Ты имеешь в виду, что я причинил студентам страдания, напомнив им о чем-то, что... раздражает их?

– Я просто говорю, что ты добавил тяжести к их... ну, бремени. Они приходят в аудиторию, чтобы изучить особенности болезни Хантингтона. И вдруг лектор заставляет их сообщить, какой они расы. Если они не захотят в это играть, сразу будет заметно. Я знаю, когда ты ходил на эти курсы, вас там выстраивали в ряд по уровню опытности. Но когда строишь людей по чему-то такому... проблематичному... это совсем другое дело. Представь, если бы... Даже пример не могу подобрать.

Но я мог. Мой учитель начальных классов оценивал наш почерк, выстроив нас в ряд случайным образом и затем делая сопоставления. После каждого из них я продвигался все дальше и дальше, пока не достигал своей неизбежной позиции – в «худшем» конце ряда. Я не стыдился своего почерка. И я никогда не жаловался на этот метод оценки, который, несомненно, являлся и удобным, и точным.

Однако меня это раздражало. Как когда меня «случайно» толкали, выбивая из рук учебники, или как когда вытряхивали карандаши и ручки из моего пенала, или чертили что-нибудь в моей тетради, или мешали мне обедать, или передразнивали мою манеру разговаривать или мою походку, или смеялись над моими попытками попасть по мячу, или придумывали мне кличку, или как когда я становился мишенью учительского остроумия. Так накапливались напоминания о том, что я не являюсь «нормальным». И что я не вписываюсь в среду.

– Пример не требуется, – произнес я.

– Дон? Это Нил Уоррен, учитель Хадсона.

– Какие-то проблемы?

У меня сразу же возникла мысль: Хадсон не захватил с собой какую-то критически важную принадлежность для снежной экскурсии. Школа заранее предоставила список вещей, которые надо взять, однако между Хадсоном и Розы имела место довольно продолжительная дискуссия о том, как надлежит упомянутый список трактовать. Хадсон опорожнил ящики своего комода в четыре большие сумки, однако Розы удалось свести их число к одной. Возможно, она по ошибке пренебрегла чем-то существенным.

– Боюсь, что да. Хадсон... немного сорвался.

У меня ушло несколько секунд на то, чтобы правильно интерпретировать утверждение мистера Уоррена. Глагол «сорвался», используемый в контексте похода по снежному склону, может восприниматься по-разному.

– Ему не понравились лыжные ботинки... Слушайте, сейчас у него все нормально, просто он ни в какую не хочет идти на лыжах. А у нас нет ресурсов, чтобы присматривать за ним, если он не с группой. Боюсь, кому-то придется его забрать.

Я уже направлялся к машине.

4

GPS-навигатор сообщил, что путь до горного курорта должен занять три часа восемнадцать минут. Я отправил Розы сообщение, чтобы объяснить ситуацию: «Кризис с Хадсоном. Уехал в снежную зону».

В отсутствие детализированной информации я мало что мог сделать в смысле планирования своих действий. Учитель Хадсона мог употребить слово «сорвался» применительно к самым разным эмоциональным ситуациям – от гнева на бессмысленное правило до почти полной утраты контроля, которую я иногда переживал в детстве и значительно реже – во взрослом состоянии (за те тринадцать лет, четыре месяца и три дня, прошедшие с того момента, как я познакомился с Розы, это произошло со мной лишь однажды). У самого Хадсона за последние месяцы случилось дома несколько подобных эпизодов, но все они были благополучно разрешены посредством специального тайм-аут-протокола.

Я считал, что моя задача состоит в том, чтобы заверить мистера Уоррена: в краткосрочной перспективе едва ли возможен рецидив, если только обстоятельства, спровоцировавшие такую реакцию, устранены. Я вспомнил, что мистер Уоррен – человек приблизительно моего возраста. Вследствие привычки, от которой мне, как выяснилось, трудно отказаться, я также прикинул его индекс массы тела: двадцать пять. Я не мог мысленно представить его лицо. Кажется, на вводной вечерней беседе с родителями ребенка (то есть с нами) он держался вполне дружелюбно, однако я знал по опыту, что поверхностные суждения родителей об учителях их детей зачастую грешат неточностью.

Справившись со всеми поворотами извилистой дороги к курорту, я припарковался на месте, обозначенном как «только для экстренных случаев», – к сожалению, не заметив блокирующую тумбу, скрытую под снегом. Впрочем, урон, понесенный передней частью «порше» Филадельфии, оказался чисто символическим. Мы пользовались этим автомобилем на условиях «постоянного проката», поскольку отец Розы осознал, что для него разумнее приобрести новую «тойоту», нежели водить и поддерживать в рабочем состоянии старое транспортное средство, чья конструкция, судя по всему, не основывалась ни на каких разумных принципах. Я отправил профессору Лоуренс текстовое сообщение, где объяснил, что в силу чрезвычайной семейной ситуации не смогу посетить сегодняшние слушания.

Розы уже успела прислать множество голосовых и текстовых сообщений, хотя в данном случае вполне было бы достаточно одного из ее посланий, состоящего из трех компонентов: «Какого хрена, что творится? У Хадсона все в порядке? Позвони СЕЙЧАС ЖЕ».

Собственно, Розы желала узнать информацию, получить которую мне мешал тот факт, что я находился в процессе телефонного общения с ней. Я объяснил ей это.

– Ты уверен, что мне не надо приезжать? – спросила она. В устной беседе считается невежливой фраза «Смотри предыдущий ответ», так что я повторил его:

– Сначала мне требуется оценить ситуацию.

– Ты должен был мне позвонить. Ты ничего важного не пропускаешь? О, черт, черт, *черт*.

– Слушания в дисциплинарной комиссии отложены. Я позвоню, как только в моем распорядке будет больше информации по проблеме Хадсона.

Один из сотрудников лыжной школы указал мне, где найти Хадсона. Последний сидел на скамейке и читал «Марсианина». Я не уловил в нем никаких признаков огорчения. Рядом с Хадсоном находилась худая беловолодая девочка приблизительно его возраста, по моей оценке – альбинос. Она была в темных очках и ела батончик «сникерс».

– Что произошло? – спросил я у Хадсона.

– Мне нужно домой. И ей. – Он указал на свою компаньонку, которая извлекла из ушей наушники-вкладыши.

– Она тоже сочла свои лыжные ботинки неудовлетворительными?

Девочка ответила на вопрос сама:

– У меня проблемы с глазами.

Альбинизму часто сопутствует повышенная чувствительность к свету и ослабленное зрение.

Хадсон добавил:

– Когда мистер Уоррен узнал, он проверил анкету. Ну, которую родители заполняют, когда отпускают детей на экскурсию. Там про это ничего не было. И вот выяснилось, что по закону она не может кататься на лыжах.

– Я новенькая, – сообщила девочка. – Приехала со всеми познакомиться. А теперь мне надо вернуться назад.

– *Возвращаться* назад, – поправил Хадсон. Мой отец не одобрял употребления Хадсоном просторечных глаголов. Хадсон избавился от данного недостатка и с тех пор нередко делился полученными рекомендациями с другими.

– А с моими предками они связаться не смогли. Потому что папа в Таиланде, а мамы сейчас нет в ее магазине. Когда ей надо выйти, то за магазином массажистка смотрит. Меня, кстати, Бланш зовут.

Это имя легко было запомнить².

– Мобильный телефон твоей матери не отвечает?

– А у нее его нет. Из-за рака. И у папы нет.

Я пытался сообразить, какие виды рака могли бы воспрепятствовать использованию сотового телефона (рак гортани, рак горла, а также, возможно, рак мозга) и насколько высока вероятность того, что у двух членов одной семьи будут именно такие разновидности заболевания. Но тут Бланш пояснила:

– У нее *нет* рака, она просто не хочет его заполнить. От микроволн.

– Может, мы ее подбросим... подвезем? – осведомился Хадсон. – Только нам надо будет получить разрешение, потому что в анкете есть вопрос насчет...

Моему мозгу явно угрожала перегрузка – еще до того, как я получу какую-либо информацию, имеющую отношение к основной проблеме. Я провел пальцем по губам, подавая сигнал «Рот на замок» (точнее, на застежку-молнию). При коммуникации с Хадсоном это означало: «Сделай паузу, жди важной входящей информации».

– Мне надо точно выяснить, в чем, собственно, состоит природа проблемы, – заметил я.

– Неважно. Мне надо домой, вот и все.

– Мистер Уоррен недвусмысленно указал, что возникла какая-то проблема с лыжными ботинками. Если ты объяснишь мне суть затруднения, мы, возможно, сумеем его преодолеть.

Хадсон сидел молча: знакомый признак, свидетельствующий о том, что ему хочется сидеть молча. Расспросы в данном случае были бы непродуктивны. Впрочем, спорить Хадсон был готов почти всегда.

– Полагаю, тут какая-то ошибка с твоей стороны, – произнес я.

– Ничего подобного, пап. Я вообще ничего не делал. Это они виноваты, что у них нет правильных ботинок.

– Курорт наверняка оснащен лыжными ботинками всех размеров. В пределах нормального диапазона.

Хадсон разъяснил, что была опробована лыжная обувь нескольких размеров, однако все ботинки оказались либо болезненно-тесными, либо слишком просторными, а следовательно, не позволяли контролировать лыжи.

² Blanche – белая (*фр.*).

Сотрудник службы проката лыж предлагал различные марки, всякого рода дополнительные носки и вкладыши, однако сколько-нибудь значительного улучшения ситуации не происходило. Был вызван менеджер, который и объяснил, что лыжный ботинок должен сидеть на ноге плотно. Это объяснение не убедило Хадсона.

Тут в разговор снова вмешалась Бланш:

– Все наезжали на Хадсона, потому что все уже обулись и хотели кататься.

Нетрудно было путем дедукции восстановить недостающие элементы данной истории, которые Хадсон, возможно, не желал озвучивать из смущения. Но я уже знал, что дело закончилось срывом.

Хадсон обладал высокой чувствительностью к болевым ощущениям, и ему не нравились многие формы физического контакта, особенно те, что он был не в состоянии контролировать. В детстве у меня имелась такая же проблема, из-за чего меня регулярно дразнили «неженкой». Вероятно, я отреагировал бы сходным образом, если бы другой человек затягивал ремешки и застегивал пряжки на незнакомых мне (и при этом надетых на мои ноги) жестких и неподатливых лыжных ботинках, особенно в условиях крайне ограниченного времени.

Я попытался представить себя в нынешнем положении Хадсона. Я бы захотел немедленно вернуться домой – как хотел сейчас и он. Мой собственный отец отвел бы меня обратно в пункт проката лыж, настаивал бы на том, что какие-то из имеющихся там ботинок мне подходят, и в конце концов рассердился бы на меня за то, что я «нюни распустил». Со своим сыном мне требовалось вести себя лучше.

Лыжная школа наверняка сталкивалась с такой ситуацией раньше. Я отыскал сотрудницу, которая осуществляла общий надзор за Хадсоном и Бланш, и разъяснил ей возникшую проблему.

– Поговорите с Люси, – предложила она. – Обещаю, она сможет найти... э-э... решение.

Мы некоторое время подождали в специально отведенном месте, и вскоре появилась Люси на сноуборде. По моей оценке, ее возраст и ее индекс массы тела составляли равную величину – двадцать два. Она больше напоминала студентку естественного факультета, нежели лыжного инструктора.

Люси обратилась к Хадсону:

– Я слыхала, нам не понравились лыжные башмаки.

– Это *мне* они не понравились, – уточнил Хадсон. – От каждой пары, которую я надевал, обязательно было больно в каком-нибудь месте.

– Ну да. В общем, мне и тебе. А падать в снег ты как, не боишься? – Люси продемонстрировала эту процедуру, рухнув в снег. – Давай-ка, попробуй!

Хадсон стоял неподвижно, однако Бланш немедленно кинулась в мягкий сугроб, после чего со смехом встала. Вероятно, под давлением окружающих Хадсон почувствовал необходимость вести себя соответственно. Он медленно повалился, а затем повторил то же действие еще дважды, причем каждый раз – энергичнее. Затем снова вступила Бланш, приложив еще более существенные усилия, на что Хадсон ответил броском в снег на пределе сил. Соревновательность стимулировала поведение, которое в иных случаях было бы сочтено нелепым и смехотворным.

– Ну вот, больнее не будет, – пообещала Люси. – Как, готовы покататься на сноуборде?

– У меня проблемы со зрением, – поведала Бланш.

– Я черная или белая? – спросила Люси.

Бланш рассмеялась:

– Белая.

– Значит, годишься. – Взглянув на меня, она заметила: – И у папы твоего претензий не будет.

Я объяснил, что не являюсь отцом Бланш и что урок предназначался лишь для Хадсона. Но Люси, в свою очередь, объяснила, что плата все равно одна и та же: использование сноуборда и специальных ботинок покрывается неиспользованием лыж.

– И вы тоже можете с нами, если хотите.

– Я не испытываю потребности в изучении искусства катания на сноуборде, – отметил я.

– Да я просто о ребятах думаю. Вначале у всех не очень-то с координацией, и если они увидят, что вы сами то и дело падаете...

– Сейчас я восстанавливаюсь после операции на подколенном сухожилии. Было бы неразумно подвергать его чрезмерной нагрузке.

Она кивнула:

– Тогда ладно. И перед ребятами по-дурачки не будете выглядеть. – Она засмеялась, но я ощутил в ее словах некоторое порицание.

– Нам могут предъявить иск, если Бланш упадет и умрет, – заметил Хадсон. – У нас нет формы-разрешения.

Вероятно, Хадсон был прав. Мать Бланш явно отличалась иррациональностью мышления, вследствие чего вполне могла бы инициировать судебные процедуры из-за того, что я подверг ее дочь воздействию радиоволн, или глютена, или химических веществ, содержащихся в солнцезащитном креме, которым она должна была обязательно покрыть открытые участки кожи. Впрочем, в этот момент появилась сотрудница лыжной школы, общавшаяся с нами ранее, и сообщила, что по проводной телефонной линии удалось соединиться с матерью Бланш.

Бланш объяснила ей ситуацию, после чего небрежным движением сунула мне трубку.

– Аллю, – сказала в трубке мать Бланш. – Извините, я даже не знаю, как вас зовут.

– Извинения не требуются. Мы не знакомы и никогда не встречались. Я и не ожидал, что вы знаете мое имя.

После долгой паузы она произнесла:

– Я Алланна. Просто не верится, что я пропустила в этой анкете вопрос о сложностях со здоровьем. Извините, мне надо бы вас поблагодарить. Вы очень любезны.

– Но я абсолютно ничего не делаю. И вас это должно ободрить. Я отдал проблему на аутсорсинг, теперь этим занимается профессионал. Ее зовут Люси. Среди лыжных инструкторов существует очень высокая конкуренция, так что если она получила это место не с помощью каких-то коррупционных действий, то должна быть вполне компетентна в своей области. Однако я настаиваю, чтобы вы дали мне обещание не предъявлять никаких юридических претензий в том случае, если Бланш получит увечья или погибнет, независимо от того, несу ли я за это реальную ответственность – полностью или частично.

– Мм... это ведь просто формальность, да? Вы ничего такого не замышляете?

– Совершенно верно.

Она засмеялась:

– Я и учителей толком не знаю, так что, думаю, тут разницы никакой. Простите, это как-то грубо прозвучало.

– Вовсе нет.

Прозвучало это вполне разумно, что стало для меня неожиданностью.

– Мне очень неловко вас просить... но вы, может, смогли бы привезти обратно и Бланш? Мы совсем рядом живем, в Торнбери.

– У меня есть решение получше. Если я препоручу Люси общее руководство всеми дневными занятиями Хадсона и Бланш во время этой поездки, она сможет по вечерам возвращать их учителю. Дети получают возможность участвовать в мероприятиях, не связанных с лыжами, и Бланш достигнет своей цели по ознакомлению со школьным коллективом.

Я мог бы добавить: «И Хадсон не будет чувствовать себя униженным из-за того, что ему пришлось раньше времени возвращаться домой», но меня слушали и он, и Бланш.

– Вы серьезно? Вы правда все это организуете для Бланш?

– Это потребует лишь минимальных пошаговых усилий.

– Даже не знаю, что сказать. Спасибо вам огромное. Простите, пожалуйста...

– Никакие извинения не требуются. Хадсону будет комфортнее в обществе другого ребенка. То есть в обществе Бланш.

– В общем, спасибо вам еще раз. Вы хороший человек. Но вы сможете устроить так, чтобы она ни в коем случае не ела сахара?

Возникли некоторые осложнения. На Розы произвело впечатление найденное мною решение проблемы, однако она все же настаивала, чтобы я дождался мистера Уоррена и передал детей лично ему.

– Может, его все это не так воодушевляет, как тебя, – предположила она.

Розы оказалась права, хотя поначалу мистер Уоррен держался очень доброжелательно.

– Зовите меня просто Нил, – попросил он. – Можно даже Кроликом. Когда-то я немного играл в крикет, а потом кличка как-то прижилась³. Только не называйте меня так при детях. Слушайте, я вам очень благодарен за то, что приехали в такую даль и еще к тому же отвезете Бланш. Я по самую задницу увяз в аллигаторах.

– В аллигаторах? – переспросил я.

– Ну, вы же знаете, как говорят: «Когда по самую задницу увяз в аллигаторах, трудно припомнить, что вначале ты собирался осушить болото». – Кролик рассмеялся. – Это означает «занят».

Мне показалось, что это чрезмерно усложненное описание для состояния, которое могло быть недвусмысленно передано всего одним словом. Я невольно задался вопросом, насколько эффективно Кролик коммуницирует с одиннадцатилетними.

Его дружелюбие испарилось, едва я известил о том, что Хадсон и Бланш остаются. Потребовалось пятьдесят семь минут, чтобы проработать все его возражения. Перед началом нашей беседы я уже решил, что останусь и сам – надзирать за передачами детей от одного наставника к другому и следить за ними в периоды между занятиями.

У меня имелось решение или контраргумент для каждого вопроса, по поводу которого он высказывал озабоченность. Среди этих вопросов были: нехватка надзирательных ресурсов; юридический риск включения видов деятельности, выходящих за рамки тех, о которых первоначально сообщалось родителям; необходимость избегать всякого рода исключений. В ответ на последний тезис я заметил, что это идет вразрез с официальной формулировкой миссии школы, в каковой формулировке подчеркивается важность отношения к каждому ребенку как к отдельной личности...

На этом месте Кролик прервал меня:

– Бог ты мой, теперь я вижу, от кого это у Хадсона.

– От кого у него – что?

– Неважно. Слушайте, я провожу эти экскурсии уже тринадцать лет. В выходные, по моей собственной инициативе. Поэтому решаю здесь я. И я мог бы отправить Хадсона домой. И Бланш тоже мог бы отправить. Но она только начала у нас учиться, и у нее проблемы со здоровьем...

Он умолк и постучал ладонью по столу.

– Я вам очень признателен за то, что вы сейчас делаете для этих ребят, – продолжал он, – и за то, что вы готовы сами тут остаться. Иначе я бы, конечно, попросил вас забрать Хадсона

³ В крикете кроликом обычно именуют игрока, который плохо справляется с отбиванием мяча.

домой. Но вам нужно знать – и я хотел бы, чтобы вы передали это вашей жене, – что дело тут не только в ботинках.

5

– «Дело тут не только в ботинках»? Какого хрена, что это значит?

Я снова находился дома и предоставлял Розы подробный отчет о произошедших событиях. У меня не было ответа на ее вопрос. Три дня, проведенные в снежной курортной зоне, оказались невероятно загруженными. Я сумел без особых затруднений обеспечить себя местом временного проживания, поскольку лыжный сезон только начинался, однако провел в общей сложности несколько часов в автоматической прачечной, облачившись в два полотенца и стирая единственный имевшийся у меня комплект одежды. Я вынужден был проделать это дважды, тем самым совершенствуя свои бытовые навыки. Кроме того, мне приходилось осуществлять общий надзор за Хадсоном и Бланш. Кролик был недоступен для продолжительных бесед из-за своей аллигаторно-болотной проблемы.

В конце первого вечернего приема детей от Люси я попытался прояснить ее утверждение, которое вроде бы подразумевало: я рад, что она белая.

– Вы меня узнали по статье в газете? – спросил я.

– Я изучаю в университете инженерное дело. Наверное, мне бы не стоило ничего говорить, но если вы пожелаете руководству лыжной школы... – Она пожала плечами. – Если не выскажешься – получится, что ты это принимаешь.

Я пустился в объяснения, но она меня прервала:

– Не хочу это обсуждать. Ребята молодцы: мы завтра просто проведем парочку уроков, а потом они могут покататься по склонам для начинающих, если вы за ними будете приглядывать.

Кроме того, меня взволновал звонок профессора Лоуренс.

– Дон, этот перенос слушаний дал мне время подумать, и я... Не хочу, чтобы ты это неправильно понял. Но ты – необычный человек. Возможно, на естественных и математических факультетах подобное не такая уж редкость. Но... мне просто интересно, ты когда-нибудь обращался к психологу?

– Зачем?

– Мне кажется, даже неспециалист может догадаться, что ты – в спектре. Я имею в виду аутический спектр. Скорее всего, я не первая это предполагаю.

– Совершенно верно.

Профессор Лоуренс сделала паузу и затем продолжила:

– Эти неприятности, в которые ты сам себя втравил... там же все сводится к угнетению меньшинств. А между тем ты сам...

Мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы осознать, что она, собственно, хочет сказать.

– Ты предлагаешь заявить, что у меня синдром Аспергера. Представить себя членом меньшинства, требующего особого отношения.

– Человеком с ограниченными возможностями, причем имеющими прямое отношение к той ошибке, которую ты совершил. Нужно, чтобы тебе официально поставили диагноз, если этого еще не сделали.

Моим первым чувством было облегчение. Если я действительно получу подобный диагноз, у меня всегда будет наготове простое объяснение для таких людей, как Люси. Однако уже через несколько минут по окончании телефонного разговора мною начал овладевать дискомфорт.

Мне показалось, что апелляция к синдрому Аспергера в качестве оправдания *Возмутительной ситуации на лекции по генетике* – путь трусливый. Я выставлю в дурном свете других

людей с Аспергером, которые могли и не совершить того, что сделал я. И потом, несмотря на неофициальное заключение профессора Лоуренс, сам я не считал, будто нахожусь «в спектре».

В Нью-Йорке некий психиатр во время обеда, после того как один из наших сотрапезников сделал такое же предположение, заявил, что я не подхожу под этот диагноз: мол, особенности моей личности не заставляют меня страдать в социальном или профессиональном плане. Критерий «страданий в профессиональном плане» теперь оказался удовлетворен, но лишь в результате изменившегося отношения работодателя ко мне. Я не готов был признать, что мог приобрести данный синдром без каких-либо сопутствующих изменений в себе самом.

С другой стороны, если исходить из моего опыта общения с представителями психиатрии, вполне допустимо заключить: вероятно, мы могли бы найти специалиста, что согласился бы добавить синдром Аспергера в тот список, который я постепенно накопил к началу третьего десятка.

Утром я позвонил профессору Лоуренс.

– Дон, сейчас полседьмого.

– Это может занять некоторое время. А у меня семейные обязательства, которые невозможно передвинуть.

– Тебе кто-нибудь помогает с этим... семейным кризисом?

– Разумеется. Причем профессионально. – Люси была великолепным преподавателем сноубординга. И Хадсону, и Бланш очень нравилось с ней заниматься.

– Ладно, давай.

– Ты предложила, чтобы мы заявили: поскольку мой мозг обладает особым устройством, явившимся результатом воздействия генетических факторов и, возможно, особенностей окружающей среды...

– От нас не потребуют представить научную статью о причинах развития аутизма.

– А если бы это была какая-то иная нейрофизиологическая особенность?

– Например? Прости, я что-то не пойму, какой тезис ты пытаешься доказать.

– Тезис следующий: устройство головного мозга каждого человека – результат действия того или иного сочетания генетических и внешних факторов. Мы даем названия только тем особенностям, которые легко описывать и которые сравнительно широко распространены. Мое поведение на пресловутой лекции – следствие особенностей моего мозга. И в данном случае не должно иметь никакого значения, есть у них научное название или нет.

– Дон... Я тебя услышала, но ты сейчас выстраиваешь философские доводы насчет свободы воли. Может, тебе имеет смысл выступить с ними на какой-нибудь конференции. Но это не прокатит на заседании университетской дисциплинарной комиссии. Ты просто их убедишь в своем сумасшествии.

– А разве идея не в этом? «Невиновен в силу психической невменяемости»?

– Я говорила об ограниченных возможностях.

– Я не считаю свои возможности ограниченными.

В конце концов я согласился известить профессора Лоуренс, если передумаю. Пока же этого не произошло, у меня не было оснований передавать Розы содержание данного разговора.

Встречу с Кроликом Уорреном, на которой мы должны были обсудить школьный отчет об успеваемости и поведении Хадсона, по требованию школы перенесли на более ранний срок, а именно – на первую неделю третьей четверти. «Всплыло кое-что еще», и директор также изъявила желание присутствовать на этой беседе.

Розы, в свою очередь, провела беседу с Хадсоном (без меня: «Мы же не хотим, чтобы ему казалось, будто мы у него что-то выпытываем»), чтобы выпытать что-нибудь в преддверии упомянутой встречи. Он не сумел – или не пожелал – предоставить какую-либо полезную

информацию. Розы заверила Хадсона, что мы беспокоимся прежде всего о его благе – равно как и школа. Я был твердо уверен в справедливости лишь первой части данного утверждения.

Пока мы с Розы следовали по коридору учебного заведения, направляясь на встречу, на которой, по-видимому, предполагалось обсудить какую-то форму неподобающего поведения, я вдруг с удивлением осознал: жизнь Хадсона и моя жизнь следуют по сходным траекториям.

Мы беседовали уже семь минут, когда Нил Уоррен (который, несмотря на отсутствие рядом учащихся, все равно не желал, чтобы к нему обращались «Кролик») внес еще один элемент сходства, причем ошеломляющий.

– Я повидал немало мальчишек вроде Хадсона. Большинству из них потом – а иногда и до этого – ставили диагноз, который означал, что они аутисты.

– Что у них аутизм, – поправила директор школы. По моей оценке, ее возраст примерно совпадал с возрастом Розы – сорок два года. Она обратилась к Розы и ко мне: – Когда мы говорим об ограниченных возможностях, мы стараемся использовать язык, ориентированный на человека, а не на его особенности.

Я не знал, как надлежит к ней обращаться – «мисс Уильямс» или «Бронвин». Моя попытка подавить мысленную прикидку ее ИМТ возымела обратный эффект, как это обычно и происходит в таких случаях. Приблизительно тридцать пять. Держась приветливо и дружелюбно, она приступила к известному ритуалу подчеркивания позитивных моментов перед оглашением дурных вестей.

– Хадсон неплохо успевает по естественным наукам.

– В Нью-Йорке он был первым в классе по естественным наукам и по математике, – сообщила Розы. – Одна из причин, по которым мы выбрали вашу школу, – продвинутая программа по математике.

– Что ж, – произнесла директор, – это как раз одна из тех вещей, которые мы хотели с вами обсудить. У него хорошая математическая интуиция и превосходная память, но... – Она жестом указала на Нила.

– Но он как-то не рвется работать. Видит ответ – и не может объяснить, как до этого ответа дошел. У таких ребят поначалу все идет хорошо, но, когда задачи становятся сложнее и приходится поднапрячься, многие откатываются назад. А Хадсон всегда хочет действовать только по-своему.

– В отчете вы упоминаете об устных докладах, – заметила Розы.

– Доклады он делает часто. И уверенно держится. Но говорит только о космических путешествиях. Главным образом это сводится к названиям экспедиций и к датам полетов. Такие штуки не всегда годятся, чтобы завоевать внимание шестиклассников. И к чтению он относится без энтузиазма.

– К чтению – без энтузиазма? – удивленно переспросила Розы. И, обращаясь к ним обоим, добавила: – Мы вообще об одном ребенке говорим?

– Я его учитель. В классе мы обсуждаем «Гарри Поттера»... Розы засмеялась:

– Он терпеть не может «Гарри Поттера».

Я счел нужным объяснить:

– Там содержатся магические элементы. Хадсон категорически не одобряет книги, сюжет которых хоть в чем-то опирается на магию. Но он читает серьезную научно-фантастическую литературу. И документальную.

Собственно, Хадсон прочел лишь одну книгу из категории нон-фикшен, зато проделал это много раз. Мы приобрели ее во время нашей поездки на мыс Канаверал, и Хадсон отлично усвоил абсолютно все факты, сообщаемые в тексте. Мы с Розы их тоже усвоили.

– И мы вам за это благодарны, – откликнулась директор. – Мы не всегда можем судить о ребенке на основании того, что видим в классе. Просто замечательно, что он читает. Но мы, наверное, все хотим, чтобы он расширял свой кругозор.

В этот момент Нил и упомянул аутизм.

– Но сначала о главном, – заявила директор, бросив на него взгляд, который я интерпретировал как «раздраженный». Она сообщила нам хорошую новость, но тут Нил перебил ее своей плохой новостью, и теперь ей требовалось сообщить две хорошие новости, чтобы закрыть первый сэндвич с плохой новостью и начать второй – чтобы она могла сообщить нам собственную плохую новость. Казалось, директор мучительно пытается вспомнить достаточно хорошую новость – такое случалось и со мной, когда я применял данную формулу. По-видимому, ей это не удалось, так как она сразу же перешла к плохим:

– Мы передвинули эту плановую встречу на более ранний срок, потому что получили жалобу от родителей одного из соучеников Хадсона. Официально я не могу сообщить, о ком идет речь. Но это и так ясно из обстоятельств дела. Как я понимаю, во время поездки на лыжный курорт вы провели некоторое время с их дочерью.

Розы взглянула на меня, и я опознал в этом взгляде ужас. В свое время она предупредила меня – увы, слишком поздно – о тех рисках, которыми чреваты ситуации, когда человек мужского пола и средних лет временно берет на себя ответственность за девочку предпубертатного возраста, с чьей семьей он не знаком. Неужели в придачу к ярлыку «расист» меня ждет еще и клеймо педофила?

Как уже не раз случалось, реальность оказалась не так страшна, как я вообразил. Выяснилось, что Хадсон спросил у Бланш, какая у нее форма альбинизма, и поведал, что по меньшей мере одну из его разновидностей связывают со сниженной продолжительностью жизни. Бланш, в свою очередь, спросила об этом у своих родителей, которые и пожаловались администрации школы.

– Я понимаю, Дон, вы – ученый, и я могу понять, по каким причинам вы захотели объяснить эти факты Хадсону. Но ему, возможно, требуются кое-какие рекомендации насчет такта, – проговорила директор.

– Присоединяюсь, – заявил Нил. – Обычная вещь при аутизме – среди прочих вещей. Он не виноват. Виновато его... расстройство.

– Я не обсуждал с ним эту тему, – отметил я. – Вероятно, он изучал ее самостоятельно. Могу предположить, что у Бланш как раз потенциально опасная форма альбинизма. Иначе родители бы ее успокоили и никакой жалобы не последовало бы.

– Я бы не стала ничего предполагать, – отозвалась директор. – Бланш только пришла в нашу школу, и с учетом того, что она, судя по всему, сразу же пошла на сближение с Хадсоном... Вы ведь работаете в медицине, Розы?

Розы кивнула. Сейчас неуместно было бы приводить ее самохарактеристику по этой части («дерьмовый врач»).

– Что ж, – продолжала директор, – вы с Доном сами можете увидеть из общедоступного списка родителей, что ее отец по роду занятий – натуропат или что-то в этом роде. Поэтому... я не уверена, что здесь имели место какие-либо консультации с представителями вашей профессии.

– Мы уже перешли к обсуждению гипотезы о синдроме Аспергера? – спросил я.

– Об аутизме. Извините, что я вас поправляю, но психиатры больше не используют термин «синдром Аспергера», а для нас важно идти в ногу со временем, – проговорила директор. – То, что раньше именовали «синдромом Аспергера» или просто «Аспергером», мы теперь рассматриваем как легкую форму аутизма. Которая, как предполагает Нил, может иметься у Хадсона.

Розы отреагировала до того, как я сумел выдвинуть возражение, касающееся терминологии:

– Спасибо, что держите нас в курсе. Мы рады, что выбрали школу, которая ценит разнообразие. Если когда-нибудь возникнет проблема... если появятся какие-то конкретные вещи, в которых нам надо будет его поддерживать... я уверена, что вы дадите нам знать.

Она уже начала вставать, но тут обнаружилось, что Нил успел заметить некоторые «конкретные вещи» такого рода. Довольно многочисленные.

– Он отстаёт в социальном плане. У него толком нет друзей. Разве что, возможно, Бланш, но сейчас ещё слишком рано об этом судить.

Нил сделал паузу – вероятно, чтобы отыскать в памяти другие неудачи и минусы Хадсона.

– Он частенько норовит поумничать – кто-то научил его грамматике в большем объёме, чем необходимо на этой стадии обучения. И в сочетании с тем, что мы называем «отсутствием фильтров», когда говорим о... о людях с аутизмом... Я был бы очень признателен, если бы вы ему сказали, что поправлять учителя недопустимо. Он не виноват в своём американском акценте, но у него громкий голос, и от этого эффект ещё сильнее. Дома он тоже так поступает?

– Нет, – ответил я. – Впрочем, мы с Розы, как правило, не делаем грамматических ошибок.

– Ясно, – произнес Кролик и снова ненадолго замолчал, после чего продолжил: – Ему очень трудно дается спорт, особенно командные виды. Он бежит, как... он бежит неаккуратно, не держит ритм. И срыв, который у него случился на лыжном курорте, был не первый. Два или три раза мне приходилось отправлять его в комнату для отстраненных от урока...

– У вас для этого есть специальное помещение? – спросил я. Мне показалось, что это великолепная идея.

– Ну, на самом деле это изолятор для больных, но он работает и как место для тех, кого вывели с занятий.

– И это явный намек, – заметила Розы.

– В общем, я говорил, что у него случалась пара таких... я тогда не считал, что это срывы, но...

– Но теперь, когда вы смотрите на него сквозь призму аутизма...

– Слушайте, – произнес Нил. – Я все понимаю. Его доводили, такое неминуемо случается, когда ты... не такой, как все. Но я должен добиваться, чтобы ребята знали: нельзя психовать просто из-за того, что к тебе кто-нибудь прикапывается. На этом уровне надо начать вырабатывать в себе какую-никакую стойкость.

«Стойкость» в данном случае, похоже, являлась эквивалентом выражения «сам должен уметь за себя постоять», которое в моем детстве служило распространенным оправданием школьной травли.

– По-моему, нам есть о чем подумать, – заметила Розы. – Этого вполне достаточно. Если только нет чего-то более серьезного. Хорошая успеваемость, немного незрел в социальном плане, дает сдачи, когда на него нападают.

– Тут много чего другого, – возразил Кролик. – Мы говорим «социальные навыки», но это же на самом деле жизненно необходимые навыки. Завязывание и развитие дружеских отношений, игры в коллективе, умение справляться с конфликтами и гневом. Понимание, когда можно говорить, а когда надо помолчать. Плюс школьная форма.

Хадсон предпочитал на протяжении всего школьного года носить летнюю форму, включавшую в себя шорты. Школьные правила предписывали мальчикам пятого и шестого класса во время холодного сезона носить длинные брюки. Нарушать это правило позволялось лишь в исключительных обстоятельствах. Хадсон заявлял: поскольку он – единственный учащийся, который желает носить шорты круглый год, он представляет собой исключение, а значит, эта его исключительность должна быть учтена. После продолжительной дискуссии школа согласилась с такой аргументацией.

– Я думала, мы уже все уладили насчет формы, – заметила Розы.

– Я не собираюсь заставлять его носить длинные штаны, – сообщил Кролик. – Но это еще один признак того, что у него отставание в социальном плане. На следующий год...

В этот момент его прервала директор:

– Если подытожить: мы думаем, для вас было бы разумно задуматься о постановке диагноза.

– Вы хотите, чтобы он прошел тестирование на аутизм? – уточнил я.

Директор кивнула:

– Мы не можем вас к этому принудить, но всем станет легче, если мы будем знать, с чем имеем дело. Особенно, как говорит Нил, с учетом подготовки к старшим классам. Если в школьной картотеке будет официальный диагноз, мы сможем пригласить какого-то помощника. Возможно, нанять ассистента учителя.

– Специально для Хадсона? – осведомилась Розы.

– Нет, не обязательно специально для него. Но мы можем получить под это дополнительное финансирование. А чем больше у нас финансовых ресурсов, тем больше мы можем сделать для всех учащихся.

Финансирование. Да, я был прав. Моя жизнь и жизнь Хадсона шли параллельными путями.

6

После беседы с представителями школы мы поехали в фитнес-клуб «Зал Джармена», владельцем которого является отец Розы. Хадсон был самым молодым обладателем ВИП-членства в данном заведении, несмотря на то что использовал его помещения лишь для того, чтобы выполнять там домашние задания и читать. Розы вкратце изложила Филу наблюдения Кролика и рекомендацию директора.

Фил выступил против всякого профессионального вмешательства. В его время дети ели арахис и играли на улице. Хадсон – славный паренек. Оба его родителя – из яйцеголовых, так чего же тут можно было ожидать? Пускай будет самим собой, вот и все. Может, в школе ему и туговато приходится, зато через несколько лет эти балбесы будут на него работать.

– Как там твой старик? – спросил меня Фил.

– С физической точки зрения – плохо. С психологической – хорошо. Приобрел монографию о Бетховене и теперь слушает все его произведения в хронологическом порядке. Это его финальный проект.

– Значит, ты с ним виделся?

– На этой неделе – нет.

Путь до родительского дома, расположенного в Шеппартоне, занимал два часа восемнадцать минут (столько же занимал обратный путь), и в настоящее время имелось множество других вопросов, требовавших моего внимания. С последнего нашего визита прошло уже несколько недель.

Моя мать хотела видеть нас чаще, а отец особенно настаивал на том, чтобы проводить побольше времени с Хадсоном. Он жаловался, что почти не видел своего единственного внука, когда мы жили в Нью-Йорке, а теперь получалось, что скоро он вообще не сможет наблюдать, как Хадсон растет.

– Кто его научит кататься на велосипеде? – спрашивал отец. Вопрос был небезосновательный, поскольку Хадсон, живя в Нью-Йорке, упорно сопротивлялся такому обучению. Покупка ему велосипеда на Рождество лишь продемонстрировала идиотичность выдумки с Санта-Клаусом: «Я же *сказал* Санте, что хочу “Лего”. Разве я плохо себя вел?» Велосипед вернули в магазин, и Хадсон достиг одиннадцатилетнего возраста, так и не освоив одно из важных жизненных умений.

Во время обеда мы совмещали прием пищи с обсуждением книги, которую Хадсон прочел перед «Марсианином». По итогам беседы с Кроликом я решил внести новый элемент в практику наших обычных трапез. Поначалу Хадсон возражал против такого изменения, но быстро втянулся в игру «интересное число», цель которой – отыскать уникальные свойства каждого целого положительного числа, начиная с единицы и продвигаясь далее вперед по целочисленному ряду.

Мы приостановили состязание на пятнадцати (произведении первых трех нечетных чисел) и перешли ко второму пункту повестки.

– Я рекомендовал бы не прерывать твоего учителя поправками, касающимися грамматики.

– Так нечестно. Мистер Уоррен меня заложил.

– Мистер Уоррен обратился к нам, потому что хотел, чтобы мы помогли ему научить тебя некоторым вещам, – пояснила Розы. – Даже на взрослых совещаниях люди не могут говорить в любой момент, когда им вздумается.

– Нам разрешают задавать вопросы, надо только поднимать руку. Наверное, я мог бы сделать из этого вопрос. Скажем: «Почему вы сказали “одеть”, а не “надеть”?»

– Превосходная идея, – заметил я. – Особенно с учетом того, что я способен помочь тебе сэкономить значительные усилия в будущем, назвав верный ответ для всех подобных случаев. Вот он: «Потому что я сделал ошибку, о которой теперь знает весь класс, что вызывает у меня чувство стыда и неловкости, а кроме того, неизбежно вызовет у меня раздражение по отношению к тому, кто во всеуслышание сообщил о моем промахе». Поскольку теперь тебе известен универсальный ответ, отпадает сама необходимость задавать такие вопросы в дальнейшем.

Хадсон не нашел мгновенного контраргумента и удалился в свою комнату – то ли чтобы его сформулировать, то ли чтобы почитать.

– Неплохо сработано, – похвалила меня Розы. – Иногда тебе удастся его поймать. Иногда.

Я по-прежнему думал о проблеме с аутизмом. По-видимому, о ней думала и Розы, так как она проговорила:

– Думаю, нам надо смириться с тем, что Кролик действительно мог что-то такое заметить. Но перед тем как отправлять Хадсона на диагностику, надо попытаться хоть примерно понять, как это на него подействует. Каково ему при этом будет. Может, я сумею найти какие-нибудь организации, которые оказывают поддержку в таких вещах.

Возможно, я и сам мог бы внести определенный вклад. Незадолго до того как познакомиться с Розы, я выступал с небольшой лекцией о генетических предпосылках синдрома Аспергера перед группой «страдающих» этим синдромом в возрасте от восьми до двенадцати лет. У меня имелись лишь минимальные познания по данной теме, но мой тогдашний друг Джин уговорил меня заменить его, сам же использовал освободившееся время для адюльтера. Организатор мероприятия, женщина несколькими годами младше меня, вскоре после этого выступления связалась со мной по телефону, предлагая обсудить данную тему за ужином. В тот период я был сосредоточен на своем проекте по отысканию брачного партнера, поэтому ответил ей отказом. Но у меня имелся ее номер. И на следующее же утро я позвонил ей.

– Джулия Сикора слушает.

– Я думал, ваша фамилия Рид.

– Простите, кто это?

– Это Дон Тиллман. Вы мне звонили, чтобы обсудить датскую программу найма людей из аутического спектра в качестве тестировщиков программного обеспечения. В тот момент я был занят, но сейчас у меня появилось время.

После долгой паузы в трубке послышалось:

– Господи! Я помню. Как такое забудешь? Ребята забрались на столы, горланили: «Аспирулят!» Прямо как в «Обществе мертвых поэтов». Кажется, это было... лет десять назад.

– Тринадцать.

– После всего этого вы не согласились пойти что-нибудь выпить, потому что вам надо было вымыть свою ванную.

Весьма странно, что ей запомнилась именно эта деталь.

– Совершенно верно. Вы доступны для дискуссии по поводу аутизма? Параллельно мы могли бы чего-нибудь выпить, если хотите.

– Вы хотите наверстать упущенное? Поэтому и звоните? Беседа продолжалась в столь же несфокусированном духе, но в конце концов мы установили, что Джулия по-прежнему работает в данной сфере; что с тех пор она успела выйти замуж и развестись; что с тех пор я успел жениться, однако *не развелся*; что я не предполагаю оставить Розы; что я обращаюсь за помощью не для себя лично, а для Хадсона; что встречаться за совместным принятием спиртного нам не имеет смысла (по заключению Джулии) и что решение проблемы более глубокого ознания с темой аутизма состоит в том, чтобы посетить семинар группы поддержки, который Джулия будет проводить на будущей неделе. Мы с Розы познакомимся там с членами аутического сообщества и услышим двух выступающих.

– Одна из них – немного такая... активистка... Права людей с аутизмом и прочее. Сейчас мы наблюдаем все больше такого. Думаю, вам это будет близко, но это очень тяжело воспринимают родители, у которых по-настоящему трудные дети. Что ни говори, а вы тогда немного обогнали время.

В ходе ланча в университетском клубе я предпринял некоторые предварительные исследования по поводу диагноза «аутизм».

– Я подумала, вдруг найду тебя тут, – произнесла Розы. Она стояла у меня за спиной.

– Совершенно предсказуемо. У меня всегда здесь ланч по четвергам.

– Мне опять директриса звонила.

– Еще какие-нибудь проблемы?

– Якобы хотела убедиться, что мы остались довольны обсуждением. Сказала, что Нил Уоррен бывает резковат, но учителей-мужчин трудно заполучить, так что мы не должны судить его слишком уж строго. Видишь, как это работает? Когда мужчины в большинстве, они диктуют правила. А когда они в меньшинстве, с ними все носятся.

– Я могу оспорить высказанный тезис – или это прервет изложение исходной аргументации?

– Прервет. В любом случае я права, так что оспаривать нечего. На самом деле она хотела узнать, собираемся ли мы получить профессиональную оценку состояния Хадсона. Я сказала, что мы рассматриваем вопрос.

Она указала на экран моего ноутбука, где были отображены диагностические критерии аутизма.

– Вижу, ты сразу полез в эту библию психиатров.

– Мне кажется, «библия» – неподходящий термин для документа, основывающегося на фактических доказательствах и регулярно обновляемого.

Розы засмеялась:

– В общем, это стандарт. Причем даже не единственный в медицине.

– Верно. А вот утверждение директора *неверно*. Термин «синдром Аспергера» или просто «Аспергер» до сих пор употребляется.

– Скоро перестанет. Его ждет судьба маниакально-депрессивного психоза и водянки. – Она снова рассмеялась. – Так и знала – это будет первое, что ты станешь искать. В общем, я тут поговорила с одноклассницей, у нее сын с аутизмом.

– Официально диагностированным?

– Да, диагноз поставил специалист. Анастасиосу – так зовут ее сына – было очень тяжело, но ему оказывали большую поддержку, и теперь у него все гораздо лучше. Учится в университете. И у него есть партнер. – Розы подала сигнал «Стоп». – Это просто информация. Давай пока просто примем ее к сведению. Кстати, семинар в среду. Придется нам пропустить спектакль.

– Я уже внес поправку в свой календарь. Билеты я отдал Ласло и Фрэнсис Спорадической Курильщице. Но мы ведь сможем рассматривать посещение семинара как запланированный выход в свет?

7

Беседа Розы с бывшей одноклассницей дала нам полезную общую информацию о проблеме, а также идею упражнения, которое помогло бы Хадсону «раскрыться».

– Суть в том, что мы должны говорить с ним о наших собственных школьных впечатлениях и переживаниях, в том числе и о кое-каких негативных, – пояснила Розы.

– Перечислить негативные переживания будет нетрудно.

– Это не соревнование. И не надо рисовать слишком мрачную картину. И нам нужно позволить ему найти собственный способ включиться в наш разговор.

Хадсон превосходно умеет находить способы включаться в разговоры.

Поскольку был четверг, обед состоял из белой рыбы в сухарях (плоскоголов), овощей из одобренного списка (бобы) и приемлемого крахмалистого компонента (картофельное пюре с двадцативосьмипроцентным содержанием измельченного корня сельдерея: эту долю я постепенно повышал, чтобы приучить Хадсона к вкусу данного продукта). Розы была пескетарианкой⁴, а Хадсон отказывался есть множество различных видов пищи. Приготовление еды, которая устроила бы нас всех, постепенно превратилось для меня в настоящее испытание.

Выходом стало возвращение к Типовому рациону питания – с вариациями, чтобы его применение не казалось столь явным. Я следовал Типовому рациону пять месяцев, прежде чем Розы это заметила.

– Как там школа? – спросила Розы у Хадсона.

– Отлично. – Это не было компонентом упражнения по раскрытию, а лишь разговорным ритуалом. – Дочитал «Марсианина». Ставлю пять звезд. Там про астронавта. Его зовут Марк Уоткинс, а его корабль называется «Арес-3». До этого был «Арес-1» и...

За главным блюдом мы продолжили нашу игру в «интересное число».

– Шестнадцать, – произнес я. – Наименьшее целое положительное число, получаемое при возведении четверки в степень. Если не считать первой степени.

Хадсон задумался приблизительно на десять секунд. Затем он ответил:

– Нельзя говорить «если не считать». А то я могу сказать: «Семьсот девяносто девять – самое маленькое число, если не считать числа один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...»

– Мы поняли, – прервала его Розы.

Критическое замечание Хадсона было вполне обоснованным и к тому же показывало хорошее интуитивное понимание механики индуктивных доказательств. Я модифицировал свой ответ:

– Наименьшее целое положительное число, получаемое при возведении четверки в степень и не являющееся кубом какого-либо числа, как и показатель степени.

– Что такое куб числа?

Я объяснил, после чего дал ему следующее число:

– Семнадцать.

Около минуты он ничего не ел и ничего не произносил. Затем он поднял вверх оба больших пальца:

– Шестнадцать плюс один. Сумма первых двух четных степеней четверки.

– Очень изящно, – похвалил я. – Теперь очередь Розы. Восемнадцать.

– Мне столько было, когда я закончила школу, – сообщила она.

– Не считается, – заявил Хадсон. – Это про тебя. А надо, чтобы это было про число.

– Совершенно верно, – признал я. – Не принимается.

⁴ Пескетарианцы – вегетарианцы, допускающие для себя употребление в пищу рыбы и морепродуктов.

– Ладно, – согласилась Розы. – Наименьшее число, сумма цифр которого равна его наибольшему за исключением самого числа делителю. Годится?

Хадсон воззрился на нее.

– Я не только белье стирать умею, – напомнила Розы. – Дон, а ты в школе играл в эту игру?

Я предположил, что Розы желает получить ответ «да», но в школе мне было не с кем практиковаться в этой игре.

– Нет, – ответил я. – Когда-то я играл в нее дома. Со своей сестрой. Она была старше меня и потом стала учительницей математики, но я все равно у нее выигрывал.

– Ты играл раньше, – подчеркнул Хадсон. – Ты знаешь ответы. Ты мне никогда не говорил, что у тебя есть сестра. Где она сейчас?

– Умерла, – ответил я.

– А от чего она умерла?

– Она просто заболела, – пояснила Розы.

– СПИД, – произнес Хадсон.

– Что? – переспросила Розы.

– Когда говорят, что кто-то просто заболел и умер, то это, скорее всего, СПИД. Брат мистера Уоррена умер от СПИДа, и никто не должен об этом упоминать.

– Ты только что это сделал, – отметил я.

– И правильно, – вставила Розы. – В семейном кругу о таком как раз можно поговорить.

– Так от чего умерла папина сестра?

– От недиагностированной внематочной беременности, – ответил я.

В возрасте Хадсона слово «беременность» прекратило бы любые мои дальнейшие изыскания. Вряд ли сегодняшние дети в этом плане настолько отличаются.

Однако Хадсон спросил:

– Какая она была?

– Лучший человек на свете... за исключением тебя и Розы, разумеется. – Тут я ощутил проблеск вдохновения. – В школе все называли ее Эдной.

– Почему?

– Такие имена обычно бывают у старых дам. Ее называли Эдной из-за ее консервативных взглядов и из-за того, что она ходила в очках.

– В «Суперсемейке» есть Эдна, – заметил Хадсон. – Старая, но так вообще нормальная.

– Я сегодня пила кофе с одной школьной подругой, – сообщила Розы. – Ее называли «Мисс Хрю-Хрю».

– Довольно обидно, – отозвался Хадсон. – Она была уродливая?

– Твой папа сказал бы «с необычным типом привлекательности». Это хорошее выражение, потому что в разных местах люди считают привлекательной разную внешность. В некоторых культурах лишний вес воспринимают как привлекательную черту.

– Ты хочешь сказать – есть страны, где мисс Уильямс считали бы привлекательной? Быть того не может.

– Дон, ты можешь на это ответить, – предположила Розы.

– Привлекательность никак не связана с качеством выполнения обязанностей директора школы. Кроме того, как одиннадцатилетний ты еще не в состоянии оценивать привлекательность женщин средних лет. Едва ли ты стал бы представлять директора в роли своей потенциальной спутницы.

– Бр-р-р-р, – вздрогнул Хадсон. – Пакость какая.

– А тебя в школе как называли? – спросила у меня Розы.

– Дейта, – ответил я. – Как андроида из «Стартрека». – Чтобы усилить впечатление, я воспроизвел одну из его фраз: – «Я помню все факты, которые мною восприняты, сэр».

Я видел и слышал, как ребята смеются – вероятно, не вместе со мной, а *надо мной*. Но это было лучше, чем когда тебе вообще нечего сказать.

Хадсон, будучи ребенком, тоже засмеялся. Розы воспользовалась тем, что он несколько снизил уровень самозащиты.

– А как насчет тебя? – спросила она.

– Нам не разрешают давать клички. Считается, что это травля.

– Я не собираюсь об этом сообщать в школу, – заверила его Розы. – Если только ты сам не хочешь, чтобы я это сделала.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Наш Глист, – тихо пробормотал Хадсон. – Все меня зовут «наш Глист». Кроме Бланш. Прошу прощения, можно мне уже выйти из-за стола?

Мы приехали на семинар по аутизму пораньше, чтобы я мог познакомить Розы с Джулией: я знал, что Розы считает неструктурированную беседу вполне корректным методом исследования. Джулия заметила наше прибытие и поспешила перехватить нас.

Прежде чем я смог приступить к вопросам, касающимся темы вечера, она осведомилась у меня:

– Вы как, еще поддерживаете связь с Джином?

– Нет. Мы больше не друзья.

Разрыв с Джином произошел в Нью-Йорке, где он проводил годичный академический отпуск после того, как стал жить отдельно от своей жены Клодии. В течение этого года он завязал романтические отношения с американской социальной работницей по имени Лидия.

Они пригласили Розы и меня выпить с ними, но Розы отказалась под тем предлогом, что ей необходимо вымыть голову. Мытье головы являлось стандартным поводом для того, чтобы избегать Джина, которого она считала свиньей и женоненавистником.

– Она упускает отличное шампанское, – заявил Джин, когда я прибыл в его квартиру. – Мы с Лидией хотим сделать небольшое объявление. Давай, Лидия.

– Джин собирается обратно в Австралию и предложил мне поехать с ним. Я согласилась.

– Вы уже изучили вопрос с визами? – спросил я.

– Да, – ответил Джин. – Может быть, Лидия неясно выразилась: тут не должно быть никаких проблем. Она едет туда как моя спутница – спутница жизни.

Я ощутил потрясение. И сильнейшее разочарование. Это объявление, по сути, окончательно сокрушило возможность примирения двух моих ближайших друзей. Я приватно (и публично – в нашей мужской группе) призывал его рассмотреть такой вариант. Лидия обычно казалась вполне приятным человеком, но Джин, судя по всему, не был с ней счастливее, чем с Клодией.

– И есть полная уверенность? – спросил я.

Джин улыбнулся:

– Вот почему Дон – мой самый дорогой друг. Не боится меня испытывать – и, смею тебя уверить, делает это усердно и неутомимо. Однако мой ответ не изменился ни на йоту.

Он поднял свой бокал, как бы предлагая тост.

– По-моему, вопрос был и ко мне тоже, – заметила Лидия, ошибочно, но кстати. – У меня были кое-какие моменты, когда я сомневалась. В прошлом Джин совершал ошибки. Но он во всем мне чистосердечно признался и теперь начинает жизнь заново.

– Полное чистосердечное признание? – повторил я. – Невероятно.

– Он обо всем мне рассказал.

– В том числе и о карте?

Лидия покосилась на Джина. Несмотря на свою некомпетентность по части интерпретации человеческой мимики, я немедленно расшифровал выражение ее лица: «*О какой карте?*» Лидия подтвердила мой вывод, произнеся:

– О какой... – тут повисла неестественно долгая пауза, – карте?

Джин медлил с ответом, и Лидия посмотрела на меня:

– Расскажите мне, Дон.

– Да господи, – произнес Джин. – Ты же знаешь, считалось, что у нас с Клодией брак без обязательств. Я играл в такую игру – вел учет женщин, с которыми я... был. По их гражданству или национальности.

– Ты втыкала булавки в карту, – заключила Лидия. – Верно ведь? И она у тебя висела где-то на виду. В твоём кабинете. Я угадала?

Это убедительно показывало, как хорошо она понимает Джина. В других обстоятельствах подобное высказывание могло бы укрепить их отношения. Но было вполне очевидно, что Лидия недовольна.

По счастью (как мне тогда казалось), я имел возможность компенсировать причиненный ущерб. В свое время Джин признался нашей мужской группе, что вся история его романтических походов – сфабрикована.

– Он просто хотел произвести впечатление, – пояснил я. – На самом деле у него был секс только с пятью женщинами кроме Клодии. – Тут я осознал, что моя информация уже несколько устарела. – И очевидно, кроме вас.

– Не верю я вам, – отозвалась Лидия.

Обдумывая ее ответ, который показался мне довольно неподобающим и даже агрессивным, я вдруг испытал своего рода озарение. Я ведь и сам себе не верил. Когда-то я поверил Джину, поскольку это автоматическая реакция, когда друг сообщает тебе о чем-то. Но теперь я осознал, что его история до смехотворности маловероятна, если учесть колоссальный объем фактических данных, свидетельствующих о противоположном: в частности, он постоянно вел поиск представительниц других стран с целью пополнить свой список.

По наущению Джина я сообщил менее значительное число его сыну Карлу и тем самым сыграл заметную роль в спасении отношений между отцом и сыном. Теперь я в полной мере осознал произошедшее и, будучи немало потрясен, выпалил:

– Ты мне лгал. Ты мною манипулировал, чтобы убедить Карла. Потому что знал – тебе он не поверит, а мне поверит.

– Именно так, Дон, – отозвалась Лидия. – Он вам лгал. Вам, своему лучшему другу. Похоже, его дети тоже ему не доверяют. И я не доверяю.

Вероятно, Джин допил шампанское в одиночестве, поскольку я вышел вместе с Лидией.

Это событие имело для меня два серьезных последствия. Во-первых, я больше не контактировал с Джином. Во-вторых, изменилась моя позиция касательно социальных навыков. Раньше я полагал, что они не играют важной роли в жизни человека и при этом сильно переоценены обществом, однако пришлось признать, что в данном случае мое недостаточное владение ими нанесло колоссальный ущерб. Джин и Лидия по доброте душевной пригласили меня отпраздновать важный момент в их жизни. А я в ответ разрушил их отношения и помешал моему лучшему другу начать все с чистого листа.

Раньше я бы без особого беспокойства воспринял отставание Хадсона по части приобретения социальных умений, но теперь я понимал, что их нехватка может заставить его сделать что-то, чего он потом будет стыдиться. К примеру, речь могла идти о поведении, огорчающем маргинализированных учащихся.

Такое поведение могло бы даже стать причиной его гибели. Сотрудники правоохранительных органов дважды наводили на меня огнестрельное оружие: на нью-йоркской детской площадке, где меня заподозрили в том, что я педофил, и в штате Нью-Мексико, где я вышел из

своей машины после того, как мне отдали приказ прижаться к обочине и остановиться (такое поведение рекомендовано в «Голой обезьяне»⁵).

Джулия не стала продолжать расспросы на тему Джина. В помещении собиралось все больше людей, главным образом взрослых. Мы оставили Хадсона с Филом, но я надеялся встретить здесь некоторых детей его возраста, чтобы провести неформальное сопоставление.

– Это собрание группы поддержки, так что в основном тут родители и опекуны, – объяснила Джулия.

Затем она с извинениями удалилась, чтобы подготовиться к выполнению своих председательских обязанностей. Впрочем, перед этим она проследила, чтобы я правильно зафиксировал ее текущую фамилию в своем телефонном списке контактов.

– После двух браков я решила вернуться к девичьей фамилии, – сообщила Джулия.

– Очень мудрый шаг, – одобрил я. – Стабильность будет сохранена независимо от того, сколько еще браков у вас будет.

– Сикора, – прочла Розы. – Откуда это?

– Я родилась в Чехословакии, – поведала Джулия. – Забавно – мне кажется, Джин считал, что это во мне самое интересное.

⁵ «Голая обезьяна» (1967) – книга британского зоолога Десмонда Морриса, описывающая поведение человека с точки зрения этологии.

8

– Помни, – произнесла Розы, пока мы искали свои места, – мы тут не для того, чтобы спорить о проблемах диагностики и лечения аутизма, а для того, чтобы получить общее представление о духе этого сообщества. Говорят ли они о таких детях, как Хадсон? Получают ли эти дети пользу от терапевтических вмешательств, какими бы эти вмешательства ни были?

– Ты имеешь в виду, что мне следует уклониться от какого-либо вклада в обсуждение? А задавать вопросы можно?

– Давай просто держаться понезаметнее, – призвала Розы.

Выступающих было две. Одна – женщина приблизительно сорока лет, индекс массы тела – около двадцати четырех, стиль одежды – консервативный. Вторая – по моим оценкам, пятнадцатью годами моложе, ИМТ – около тридцати, короткие светлые волосы частично выкрашены в лиловый цвет, на черной футболке – слоган «Аутические жизни имеют значение».

Джулия представила старшую как Марго, мать девочки с аутизмом. В начале своего выступления Марго выразила солидарность с родителями детей-аутистов, находящимися в зале, и выразила сочувствие трудностям, с которыми эти родители сталкиваются, и жертвенности, на которую они себя обрекают. Она поблагодарила Джулию за использование языка, «ориентированного на человека», то есть за то, что она не назвала ее дочь «аутисткой»:

– Она – девочка с аутизмом. Но его у нее гораздо меньше, чем в самом начале.

Дочери Марго сейчас было шестнадцать. Она не сумела развить речевые навыки к ожидаемому сроку, и ей поставили диагноз незадолго до третьего дня рождения. Изучив возможности в сфере лечения, Марго и ее партнер привлекли ряд профессионалов для того, чтобы они обеспечили их ребенку интенсивную терапию. Все это казалось вполне разумным и непротиворечивым. Но у одного из присутствующих возник вопрос. Этим присутствующим оказалась Розы.

– Вы употребили слово «интенсивная». Сколько часов в неделю?

– Около двадцати пяти.

– И это в дополнение к школьным занятиям?

– Да, терапия продолжилась и после того, как она пошла в школу.

– И сколько это продолжалось?

– Она до сих пор проходит терапию. И у нее продолжается улучшение. Я еще об этом скажу, но она сейчас в обычной школе, у нее друзья. Да, это требует большого труда, и от нее, и от нас, но если вы хотите...

– Как вы мотивировали трехлетнего ребенка заниматься всей этой терапией?

– Система, которую мы применяем, – я еще о ней расскажу – имеет встроенные вознаграждения.

Черная Футболка подалась вперед, к своему микрофону:

– И наказания. Если считать, что отказ в вознаграждении – тоже наказание. Вы ведь используете ППА, верно?

Джулия расшифровала аббревиатуру:

– Прикладной поведенческий анализ. Для тех, кто пришел сюда в первый раз: это почти повсеместно признанный золотой стандарт в терапии аутизма. Но мы говорили о...

Черная Футболка перебила ее:

– Нет уж, не будем уходить от темы. Психологи и родители обожают эту систему. И это понятно. Потому что она именно для них. А не для детей, которых дрессируют, словно щенков.

Теперь мы оказались в профессиональной сфере Розы. Она как раз сейчас занималась исследовательским проектом, где сравнивали восприятие успешности лечения биполярных расстройств с точки зрения врачей и пациентов.

– Какого рода работу ведут, чтобы получить обратную связь от детей? – поинтересовалась она. – И еще. Скажите, Марго, какие чувства испытывает ваша дочь по поводу собственного продвижения?

– Ей дают лакомства за хорошее поведение, точно собачке. Поэтому как тут можно что-то определить? – заявила Черная Футболка. – Ее готовят к тому, чтобы она всю жизнь прожила, добиваясь одобрения других. Спросите у нее, хорошо ли работает терапия, когда кто-нибудь воспользуется этой гребаной системой, чтобы надругаться над девчонкой.

Все шло великолепно. Вопросы Розы позволили сместить фокус дискуссии с разбора единичного и, возможно, нерепрезентативного случая к обсуждению спорных проблем, причем были ясно выражены две противоположные позиции. К сожалению, Джулия почувствовала себя обязанной дать Марго закончить подготовленную речь, где подчеркивалось, что ее дочь демонстрирует впечатляющие успехи по части приобретения речевых навыков и постепенно становится более социально приемлемым индивидуумом.

Черную Футболку официально представили как Лиз, и она тут же охарактеризовала себя как лесбиянку-аутистку.

– Я не человек с аутизмом – точно так же, как я не человек с лесбиянством. Я лесбиянка. Я аутистка. Когда я простужаюсь, у меня простуда, я – *человек с простудой*, и хочу от нее избавиться. И всячески приветствую медицинскую помощь. Но когда я говорю, что я аутистка и лесбиянка, это – про то, *кто я*. И не надо пытаться исцелить меня от того, кто я есть. Если меня принудят к конверсионной терапии... потому что ППА по сути и есть конверсионная терапия... к терапии, которая должна якобы вылечить меня, чтобы я перестала быть лесбиянкой или аутисткой, – значит, надо мной учинят насилие. Если это проделывают с ребенком, значит, тут насилие над ребенком.

Далее Лиз представила список фраз, которые не следует говорить, обращаясь к людям с аутическими расстройствами (например: «А по-моему, ты вполне нормальная», или «У тебя есть какие-нибудь особые способности?», или «Вообще мы все – в спектре»). Затем она разъяснила понятие «социальной инвалидности» на отличном примере: представьте, что все кроме вас передвигаются на колясках и общество полностью приспособлено к такому образу жизни. Вы будете вечно стучаться головой о притолоки и просить в ресторане, чтобы вам принесли кресло. Мне вспомнилась история с Хадсоном и лыжными ботинками.

Затем Джулия предложила задавать вопросы. Первый поступил от мужчины приблизительно сорока лет.

– Я знаю, вы сказали, это нельзя говорить, но вы мне кажетесь вполне нормальной. – Он засмеялся. Лиз – нет. – Я имею в виду – вы же явно на высокофункциональном конце спектра. Как же то, что вы говорите, соотносится с?..

Лиз не дала ему договорить.

– Ну вот пожалуйста, – заявила она. – Я прошу вас чего-то не говорить, я вам *объясняю*, что это обидно и оскорбительно. Но вы превращаете это в шутку – и все равно произносите. Давайте я тогда тоже скажу кое-что такое, что обидит и оскорбит вас. Пошел на хрен, козел.

Джулия попыталась ее прервать, но Лиз подняла ладонь – знак «Стоп» – и заглушила ее слова:

– Когда он говорил обидные вещи, вы не затыкали ему рот. Вот и мне тоже не затыкайте. Ну да, некоторые другие, может, тоже хотят узнать, распространяется ли то, что я сказала, на всех людей-аутистов. Да, распространяется. Да, спектр существует, но во многих измерениях, к тому же место человека в нем меняется со временем. Иногда – из-за «лечения». – Лиз обо-значила пальцами кавычки. – Бывает, с чем-то я неплохо справляюсь, с чем-то – нет. А на

другой день все иначе. Но я всегда остаюсь аутисткой. Такова моя суть. Неизменный способ моего существования. И те из нас, кто может открыто высказываться, должен делать это за тех, кто не может.

– Возможно, есть какие-то вопросы к Марго? – предположила Джулия.

Розы уже нарушила наше соглашение, задав шесть вопросов, так что я счел приемлемым задать один свой. Я начал поднимать руку, и это привлекло внимание Джулии, но тут Розы потянула меня за эту руку и опустила ее вниз. Джулия улыбнулась. Но Лиз тут же указала на меня.

– Большинство из вас наверняка не видели, что тут только что произошло, – заявила она. – Мужчина в зале поднял руку, и Джулия подтолкнула Марго локтем. И я могу вам сказать, что означало это подталкивание: осторожней, *этот тип может спросить что-нибудь дикое*. Потому что он... черт, может статься, что он... *аутист*. Я права, Джулия?

Джулия пыталась что-то ответить, но в ее словах трудно было уловить какой-либо внятный смысл, и Лиз продолжала:

– А потом дама рядом с ним, та, которая перед этим задавала вопросы, тоже попыталась его заткнуть. Ведь так?

Я ожидал от Розы агрессивной реакции. Вместо этого она негромко произнесла:

– Вы совершенно правы. Приношу свои извинения.

– Ничего, – отозвалась Лиз. – Думаю, вы – нейротипик⁶. Я знаю, что Джулия – такая. И Марго. А мы, аутисты, не всегда хорошо владеем всеми этими невербальными средствами. Мы только что наблюдали, как нейротипики использовали *свой* тайный язык... ну, например, как если вы говорите при собаке, обращаясь к кому-нибудь из членов семьи: «Сводишь со-ба-ку по-гу-лять?» И вот сейчас они использовали такой язык, чтобы послать друг другу предупреждение об одном из нас. Так они затыкают нам рот. Так они подавляют и угнетают нас. – Она посмотрела прямо на меня: – Но у вас вроде был вопрос?

– Верно. Но то, что вы сказали, меня так поразило, что я его, кажется, успел забыть.

Аудитория засмеялась, но я почувствовал, что смех несет позитивную окраску. Тут я вспомнил свой вопрос:

– Вопрос был для Марго, как того требовала Джулия.

– Если хотите, можете задать вопрос Лиз, – разрешила Джулия.

– Превосходно. Могу ли я задать каждой по одному?

– Конечно.

– Марго, вы сказали, что ваша дочь посещает обычную школу и у нее есть друзья. Принимает ли ее социум?

– Спасибо, – откликнулась Марго. – И я совсем не желаю затыкать вам рот. Это хороший вопрос – и нелегкий. Ее друзья – в основном такие же, как она. Те, с кем она познакомилась через терапию. Это не лучший вариант, и иногда нам кажется, что они мешают ее продвижению вперед. Но это, по крайней мере, важная ступень.

– Вы не ответили на вторую часть, – напомнила Лиз. – Насчет того, принимают ли ее.

– Я еще не закончила. Я пришла сюда не для того, чтобы заявить о каких-то идеях, я лишь хочу поделиться опытом в надежде, что это поможет другим. Так что я откровенно вам скажу – ей приходится нелегко. Ее состояние сейчас гораздо, гораздо лучше, чем раньше, но она еще не добралась до цели, и ей довольно тяжело – как раз в том возрасте, когда ребенок должен развлекаться и... Мы с мужем каждый день думаем: а правильно ли мы поступаем?

Она повернулась к Лиз:

⁶ В аутическом сообществе так говорят о тех, кто не принадлежит к аутическому спектру. Выражение часто носит пренебрежительный оттенок.

– Мы знаем: терапия для нее болезненна. Мы знаем, что терапия может ей навредить. Мы знаем, что она даже может в конце концов совершить самоубийство, – и нам придется жить с мыслью о том, что наше решение сыграло тут свою роль. Но ей было всего три года, и мы, ее родители, решили, что будет хуже, если она никогда не заговорит или никогда не сможет себя обслуживать. Возможно, вам кажется, что ничего страшного в этом не было бы. Не исключено. Если бы мир был устроен по-другому. И мне вообще неважно, что у вас такой же диагноз. Вы никогда не были в таком же положении, как моя дочь, так что не можете поставить себя на ее место. О себе говорите, что вам хочется. Только вот не надо здесь с такой уверенностью произносить все эти умные слова, которые моя дочь никогда бы не выучила в вашем совершенном мире, и заявлять, что вы, мол, выступаете от ее имени.

В зале раздались громкие аплодисменты.

Я предполагал, что о моем потенциальном втором вопросе уже забыли: мы достигли запланированного времени окончания, а модераторы обычно считают, что завершить мероприятие на рукоплесканиях важнее, чем отработать все пункты повестки дня. Однако я не привык к тому, чтобы за регламентом следил человек с аутизмом.

Лиз снова указала на меня:

– У вас был вопрос и ко мне. Я бы не хотела, чтобы он потонул в хоре сочувствия родителям, которые обременены детьми, похожими на нас. Я бы не прочь спросить у каждого, кто сейчас захопал, когда Марго сказала, что я не могу выступать от имени другого аутиста: а *е* кто, собственно, поддерживает? Те, у кого нет *никакого* опыта по части того, каково это – быть иным? – Она еще раз указала на меня: – Ваш вопрос.

– Имеете ли вы в виду, что между аутичным и нейротипичным пролегает четкая граница? – спросил я. Второй термин был для меня внове, но я решил, что в будущем он мне может пригодиться. – Инструменты для выявления аутизма явно не отличаются точностью. Вы утверждаете, что здесь речь идет о спектре, располагающемся во многих измерениях, так что сводить все к бинарной оппозиции – вероятно, некоторое упрощение.

– Вы ученый?

– Совершенно верно.

– Ну, я первой готова признать, что нам нужно побольше науки – правильной науки, которая не отталкивается от определения аутизма как заболевания, или отклонения, или расстройства, или нехватки чего-то в организме. Но я – не ученый. Я – общественный деятель. И для меня, для той борьбы, в которой я участвую, каждый – либо аутист, либо нейротипик. И здесь не имеет никакого значения, сколько баллов вы набираете по какой-то шкале, которую придумали нейротипики. Вы же не станете использовать специальную шкалу, чтобы определить, гей ли вы, принадлежите ли вы к коренному населению, являетесь ли болельщиком «Бульдогов»⁷. В конечном счете выбор за вами. Вы сами решаете, кто вы. А диагнозы – это для болезней.

– Ну ни хрена же себе, – изрекла Розы после того, как мы покинули зал. – Думаю, страстей мы сегодня увидели больше, чем Ласло с Фрэнсис в театре. Слушай, ты прости, что я пыталась тебя заткнуть. Мне правда очень жаль.

– Вполне оправданный поступок. Ты помогала мне соблюдать мою часть нашей договоренности о молчании. Даже после того, как сама не сдержалась. Я мог бы тебя заткнуть, но не успел. И в любом случае твои вопросы были превосходны.

– Но ты уверен, что не чувствуешь себя... угнетаемым? Мне показалось, ты поддержал Лиз, когда она на меня наехала. Оправданно наехала, чего уж там.

– Нет-нет. Я поддерживал ее общую позицию. Она рассказывала очень интересные вещи.

⁷ Имеется в виду австралийская регбийная команда «Кентербери-Бэнкстаун Булдогс».

– Прямо как движение за гражданские права в шестидесятых. «На какой ты стороне?»

– Я – ни на какой. Я считаю трайбализм одним из худших аспектов человеческого поведения. Один из главных источников предвзятости суждений, застоя в общественной жизни, военных действий...

– Вообще-то я не рассчитывала, что ты воспримешь это как вопрос *к тебе*. Ну ладно. Что будем делать с Хадсоном?

– Наша цель состояла в том, чтобы решить, следует ли нам подвергать его обследованию. Мой предварительный прогноз таков: Хадсону могут поставить неверный диагноз «аутизм», в каком случае он будет подвергнут ненужной ему терапии и, возможно, дискриминации. Если у него действительно аутизм, результат может быть таким же.

– Первое правило: не навреди.

– Совершенно верно. Кроме того, анализ проблемы должен предшествовать действию.

– Полностью согласна. Может, выпьем чего-нибудь, а потом уж домой? Все-таки у нас вроде как выход в свет.

– Я заранее отвел это время для научной работы.

– И ты мог бы позвонить своим родителям.

– Предпочитаю вариант «выпьем».

Пока мы шли в направлении коктейль-бара, местонахождение которого я выяснил с помощью интернета, я размышлял о том, что, если бы на слушаниях, посвященных *Возмутительной ситуации на лекции по генетике*, я решил сослаться на аутизм как на аргумент в свою защиту, Лиз стала бы оптимальным сопровождающим.

9

– У меня хорошие новости, – сообщила профессор Лоуренс по телефону, когда я ехал домой с работы. – Одна женщина, которая была на той твоей лекции, написала статью для студенческой газеты. Но редакция отказалась ее публиковать. Автор заявила, что это несправедливо, и...

– Вероятно, там содержалась критика в мой адрес.

– Это вряд ли, а то газета бы с руками оторвала такую статью. Нет, там было заглавие типа «Почему снежинки всегда белые?», а автор – студентка из Ганы.

– Беатрис?

– Именно. Та самая, которую ты выбрал в качестве эталона черноты. Господи помилуй! Похоже, ей не понравилось, что кто-то из белых (всем известно, что ту жалобу подала студентка, которая задала тебе первый вопрос) обиделся как бы от ее имени. Уж не знаю почему, но она на твоей стороне. Во всяком случае, статья очень широко разошлась и без публикации в газете. Теперь эта проблема расколола университет. И ее не решить твоим увольнением. Руководство ищет способ как-то выпутаться из этого. Они наверняка примут объяснение насчет твоего аутизма, даже в отсутствие официального диагноза. Лишь бы ты просто заявил, что в спектре.

Затем позвонила Розы – из школы. С менее позитивными новостями.

– Еще один так называемый срыв. Мне пришлось его забрать, и он совершенно замкнулся в себе. Ты не хочешь?..

– Ты неизмеримо лучше владеешь техникой допроса. И потом, я отстаю от графика исследований.

– Речь не о том, кто как умеет вести допрос, а о том, что он должен знать: отец – рядом и готов ему помочь. Подумай, чего ты сам бы хотел на его месте. И в его возрасте.

Ответ был таков: «Хотел бы, чтобы родители не допрашивали меня о том, что произошло в школе и чего они могут не понять». Но в случае подобной реакции Розы призвала бы меня «подумать получше», так что я сразу перешел к этой стадии. В процессе размышления я произвел пробежку, восполнил потерю жидкости с помощью воды, а затем приготовил «Писко сауэр» – для стимулирования творческой активности и поддержания практических навыков приготовления коктейлей.

Чего бы я хотел от моих родителей, будь я в возрасте Хадсона? Их единственной полезной инициативой стала запись меня на занятия карате, однако двигало ими вовсе не стремление обеспечить меня разумной фитнес-программой на всю жизнь, улучшить мою координацию и предоставить мне место, куда я мог пойти в двадцать с небольшим – за отсутствием иной социальной жизни. Нет, их цель заключалась в том, чтобы научить меня «давать сдачи» – совершенно неосуществимый сценарий в условиях реальной динамики взаимодействий на школьном дворе, в классе и в раздевалке.

Мне требовался некий универсальный ответ, поскольку известные мне оптимальные реакции на конкретные происшествия – такие, как нервный срыв, поступившая из школы жалоба или обнаружение того факта, что завтрак, который ты дал ребенку с собой, остался несъеденным, – разнились между собой. Ответ явился мне, когда я налил второй стакан «Писко сауэра» и подумал, что через семь лет мог бы предложить этот напиток Хадсону – в рамках законодательства, пусть, возможно, и не в рамках этических норм.

Я бы хотел, чтобы ко мне относились как ко взрослому. Не для того, чтобы мне разрешили пить «Писко сауэр», а чтобы от меня ничего не скрывали, чтобы ко мне прислушивались, чтобы меня не оставляли в стороне в важные моменты моей жизни.

– Ты употреблял алкоголь. Я чувствую по запаху. Употреблять алкоголь нерационально.

Интонация последнего предложения подозрительно напоминала интонации андроида из «Стартрека».

Хадсону нравилось указывать на примеры нерационального, как ему казалось, поведения с моей стороны. Однако я, следуя классической психологической уловке, сознательно демонстрировал поведение, противоположное тому, которое мы хотели поощрять в нашем сыне. Пусть Хадсон назло родителям сделается убежденным трезвенником.

– Совершенно верно, – ответил я. – Но даже иррациональному поведению обычно можно найти рациональное объяснение, если вникнуть в устройство человеческой души. У тебя есть рациональное объяснение того, почему ты отказываешься подстригать волосы?

– Это когда я был маленький. – Хадсон указал на свои волосы – или, возможно, на свой мозг. – Маленькие дети не такие рациональные.

– А как насчет сегодняшнего инцидента? Директор утверждает, что тебя временно отстранили от занятий за какое-то нарушение. Она не уточнила, за какое именно. По ее словам, когда срок отбывания наказания был сокращен благодаря твоему хорошему поведению, ты отреагировал на это проявлениями гнева. – Именно в этот момент нашего разговора она использовала слово «срыв».

– Я не вел себя нерационально.

– Гнев по природе своей нерационален. И вообще это нерационально – отвечать враждебностью на акт великодушия.

– Никакого великодушия не было. Считалось, что отстранение – на весь день. Мистер Уоррен заглянул ко мне, чтобы узнать, как у меня дела. А я уже доделал уроки, потому что было тихо и меня никто не доставал. Я читал, это можно, если сделаешь всю домашку. Но он сказал, что я должен вернуться в класс. А я ответил, что он нарушает свое обещание.

– И это привело к вспышке гнева и конфликтной ситуации?

Хадсон кивнул:

– Он не сказал слово «обещаю», так что это не было официальное обещание. Но уговор был именно такой. В конце концов он мне разрешил остаться.

– Очевидно, ты предпочитаешь обычному классу ту комнату, где проводят время отстраненные от занятий.

– Не всегда. У нас в параллельном классе есть парень, так он постоянно туда хочет. Правда, он реально чудной.

– В каком смысле?

– Во всех смыслах. У него аутизм.

Розы расхохоталась, когда я передал ей объяснение, приведенное Хадсоном:

– Бедный, бедный Кролик Нил. Вот тебе и «нет социальных навыков»! Хадсон нарочно сорвался, чтобы ему позволили остаться в комнате, где сидят отстраненные от занятий.

– Если твоя гипотеза верна, значит, это был не срыв. Нервные срывы невозможно устроить нарочно. Вероятно, правильный термин в данном случае – «детская вспышка раздражения».

– Или же он просто заявил о своей позиции так, что Кролик не нашел подходящего ответа.

– Полагаю, быть учителем чрезвычайно трудно. Столько параллельных взаимодействий.

– У Нила не возникло бы никаких проблем, если бы он не относился к комнате для отстраненных как к наказанию. Ну ладно. Что будем с этим делать?

– Я рекомендую тактику прощения, а отсюда следует – никаких активных действий. Его поведение было неприемлемо, однако сама ситуация носила запутанный характер. Не уверен, что я смог бы проявить себя в ней лучше Кролика.

Когда на следующий вечер я подошел к «Залу Джармена», у входа меня ожидала женщина (возраста – приблизительно тридцать два года; индекс массы тела – приблизительно двадцать один; тип привлекательности – необычный) с мальчиком лет четырех. В придачу к моим невольным оценкам ИМТ мне угрожало развитие привычки мысленно помещать людей с интересной внешностью в мой график расовых характеристик. Эта женщина располагалась бы между Хунь и Беатрис.

К моему немалому удивлению, она перехватила меня у входа и спросила:

– Мистер Тиллман? Отец Хадсона?

– Как вы узнали?

Она засмеялась:

– Хадсон – вылитый вы. Я – Алланна, мать Бланш.

Она протянула мне руку, и я пожал ее, стараясь оказывать на ладонь Алланны несильное давление, обычно ожидаемое при приветствии представительницами женского пола, и одновременно пытаюсь заглушить мысль о том, что мы способствуем передаче вирусов.

Тут она улыбнулась:

– Вы сейчас сделали то, чего почти никто не делает. Точнее, *не сделали* то, что почти все делают.

Я решил, что Алланна имеет в виду мой верный расчет интенсивности рукопожатия, позволивший мне не раздавить ей кисть, но она продолжала:

– Есть такой взгляд, которым на меня смотрят все, кто видел Бланш, – «Вы ее мать? Серьезно?». Из-за ее цвета.

– Но это просто смехотворно. Бланш – альбинос... человек с альбинизмом. Какой вариант вы предпочитаете? Какой вариант предпочитает *она*?

– «Человек с альбинизмом». Спасибо, что спросили. На самом деле я просто хотела вас лично поблагодарить за все, что вы для нее сделали во время той поездки на лыжный курорт. Бланш там замечательно провела время.

Я знал протокол ответа на благодарности.

– Не за что! – Я взмахнул правой рукой, словно стряхивая риновирусы с пальцев куда-то за плечо.

– Нет-нет, – настаивала она. – Вы слышали, что другие ребята прямо обзавидовались? Они все захотели кататься на сноуборде, а не на лыжах. Бланш с Хадсоном без умолку об этом болтали в автобусе, пока все ехали назад. Похоже, у их учителя было забот по горло.

– По самую задницу увяз в аллигаторах.

Алланна рассмеялась:

– Да, он именно так выразился. Гэри – это мой муж – говорит, чтобы вы к нему зашли на лечебный сеанс или на массаж в любое время, какое вас устроит. В знак нашей благодарности. Он сильно расстроился из-за того, что учитель пытался отослать Бланш домой из-за проблем со зрением, о которых в школе уже знали. Мы говорили об этом с директором.

– Превосходно. Похоже, школьная система плохо приспособлена для разрешения прогнозируемых внештатных ситуаций.

Алланна снова рассмеялась: странная реакция в разговоре о серьезной проблеме, затрагивающей ее дочь.

– Вы знаете, что Хадсон сказал Бланш что-то насчет генетики?

– Разумеется. Вследствие вашей жалобы нас вызвали к директору.

– Ох! Простите. Я не хотела, чтобы это было как... как жалоба. Гэри просто решил, что мы должны об этом сообщить. Бланш говорит – вы этим занимаетесь. Генетикой.

– Совершенно верно. В настоящее время пытаюсь найти лекарство от рака. Как выясняется, это чрезвычайно трудно.

– Хм, я как-то не так представляла себе злого гения, работающего на Большую Фарму.

– Я не работаю на Большую Фарму. Я преподаю в университете.

– Извините. Вот я и говорю – не похожи. Если вы когда-нибудь встретитесь с моим мужем, пожалуйста, не говорите, что я об этом спрашивала, но... Насчет этих разных видов альбинизма, про которые Хадсон говорил Бланш. Можно как-то определить?

– Простой генетический тест...

– А какой-нибудь другой способ есть? Я имею в виду – какие-то признаки, которые я могла бы сама поискать?

– Вас что-то не устраивает в генетическом тестировании? Алланна помолчала несколько секунд, прежде чем ответить:

– Если я возьму образец для анализа, в лаборатории могут просто провести тест и сообщить мне результат? Им не нужно будет видеть саму Бланш?

– Я могу дать вам контактную информацию подходящей лаборатории. Но я бы рекомендовал проконсультироваться с врачом-специалистом. Медики опираются на фактические данные в меньшей степени, чем следовало бы, но в данном случае я бы все-таки доверял им больше, чем кому-либо иному.

– Спасибо, но я думаю, что тут ключевое слово – «доверял». Мы должны решать, кому доверять наших детей. И мы верим, что есть пути получше. Гэри – гомеопат.

Гомеопат! Не только никаких фактических подтверждений эффективности, но и никакой сколько-нибудь реалистичной вероятности, что таковые подтверждения когда-либо появятся.

Алланна засмеялась:

– Вот теперь у вас как раз то выражение, которого не было, когда я вам сказала, что я – мать Бланш. Рожала я дома, и мы узнали, что у нее альбинизм, уже после того, как дали ей имя. Мой муж очень светлый, так что мы просто думали, что...

– Бланш наблюдается у окулиста?

– Родилась она почти слепая. Гэри ее лечил – и у нее было очень сильное улучшение. Я ее мать, я это видела сама. И моя мама тоже видела. Потом она стала видеть чуть хуже, а потом все устаканилось и уже не менялось. И я просто думаю: то, что Гэри делает, действительно помогает, у моего ребенка все в порядке, а больше мне ничего и не нужно.

– Но это не исключает...

– Лучше уж вам все про нас узнать. Мы не верим в прививки. Мы ужасные люди. *Анти-прививочники.*

– Люди, выступающие против вакцинации.

Интересно было бы узнать, какой именно ход рассуждений привел Алланну к данной позиции, – чтобы я мог разъяснить ей ошибочность таких представлений. Но ребенок – я предположил, что это брат Бланш, – уже тянул мать за руку.

– Мне пора, – объявила она. – Надо забрать Бланш.

– Бланш здесь?

– А вы не знали? Ребята сами это устроили. Хадсон договорился со своей дедушкой. Правда же, как-то страшно, что они уже дошли до такого возраста, когда начинают сами устраивать свою жизнь?

10

Передо мной стояла комплексная проблема, требовавшая обработки чрезмерного объема информации, при том что данных, необходимых для принятия научно обоснованного решения, определенно не хватало. По собственному опыту я уже знал, что подобного следует ожидать во всех ситуациях, так или иначе включающих в себя взаимодействие между людьми.

По счастью, я мог рассчитывать на моих друзей – группу людей с весьма разнообразным жизненным опытом, которым было безразлично мое благополучие, но которые при этом были не настолько тесно со мной связаны, чтобы пойти на поводу у эмоций. В свое время они помогли мне найти идеального партнера, подготовиться к отцовству и спасти мой брак.

Я составил специальное расписание, чтобы связаться со всеми шестерыми.

Начал я с Клодии, бывшей жены Джина, поскольку мы еще раньше договорились о встрече. Я продолжал обращаться к Клодии за советами даже после своей размолвки с Джинном, стремясь извлечь пользу из того факта, что некогда она работала психологом-клиницистом. Клодия не считала подходящим встречаться у нее дома, и мы обсуждали психологические вопросы в кафе.

Чтобы поддержать неформальную атмосферу, я начал наш очередной разговор со светской болтовни:

– Ты по-прежнему одна?

– Как и три месяца назад. И я знаю, что ты собираешься сказать дальше. Ответ: нет, это даже не обсуждается. Прошло двенадцать лет. Мы оба с тех пор проделали длинный путь – и я, и он.

– Длинный, но безуспешный. В смысле отыскания нового партнера. Ты ведь по-прежнему хочешь обзавестись партнером, верно?

– Это у меня не первая строчка в списке приоритетов. Но мне казалось, что ты хотел получить от меня какой-то совет.

– Я решил, что для симметрии мне следует предложить собственный. Я ведь оказался прав по поводу Иуды. То есть Саймона Лефевра.

– Все оказались правы насчет Саймона. Если кому-то из моих родных понадобится консультация по генетике, мы придем к тебе, и я полагаю, что ты ее нам дашь за чашкой кофе, не прося ничего взамен. Но я вообще-то сама психолог. Саймон у меня в прошлом, мы с Джинном живем отдельной жизнью, Юджиния и Карл – уже взрослые. У нас все отлично. А теперь скажи, что там происходит у вас с Розы.

Я разъяснил ситуацию с Хадсоном.

– Часто такое вижу, – заметила Клодия. – С одной стороны, я считаю, что у учителей масса отличных возможностей заметить, если с ребенком что-то неладно. И вы, безусловно, должны к ним прислушиваться. И уважать их опытность и наблюдения. Однако у учителей нет нужной квалификации, чтобы диагностировать аутизм. Не говоря уж о целом диапазоне расстройств, которые можно за него принять.

– Великолепный аргумент.

– Если вы решите обратиться за диагнозом, подробно обрисуйте психологу картину, а не спрашивайте: «У него аутизм? Да или нет?»

– Разумеется. Это вытекает из твоего предыдущего тезиса.

– И еще, – произнесла она. – Я знаю, ты настроен на то, чтобы мыслить в понятиях генетики. Но не забывай и про среду. У Хадсона твои гены, но ты не только его биологический отец, ты его растил, и... как бы это сказать... некоторые твои черты... частично совпадают с диагностическими критериями.

Теперь я получил необходимую информацию.

– Сядь, допей кофе, – предложила Клодия. – Я больше ни слова не скажу про аутизм. Но ведь Розы тяжело приходится с Хадсоном, верно?

– Полагаю, всем родителям тяжело приходится с детьми.

– Просто в последний раз, когда мы с тобой говорили, ты обмолвился, что твоя сексуальная жизнь резко пошла на спад, когда Хадсону было четыре или пять.

– Совершенно верно. Мы хотели завести второго ребенка, а наиболее распространенная причина бесплодия – недостаточная частота половых актов. Я неоднократно указывал на это Розы.

– Может, дело в этом? На подсознательном уровне она не очень-то хотела второго ребенка, она ведь и с одним едва справлялась. К тому же у нее был шанс выйти на работу.

– Она никогда об этом не упоминала.

– А люди не всегда упоминают о своих мотивах. Бывает, что они и сами их не знают. Вот почему без работы я не останусь.

Ласло сидел за своим рабочим столом. Я нашел себе место, достал ноутбук и тоже стал работать – пока он не снял защитные наушники и не встал, чтобы устроить себе перерыв. Наша беседа была краткой, деловой и откровенной. С Ласло по-другому и не побеседуешь.

– А где велосипедные очки? – спросил я.

– Эксперимент не удался. Для поездок на велосипеде в дождь они подходят хорошо, для работы за компьютером – хуже.

– Ты когда-нибудь проходил проверку на аутизм?

– Слишком неконкретный вопрос.

– Почему?

– Я проходил тест на синдром Аспергера, который в то время не считался подкатегорией аутизма.

– Какой был результат?

– Положительный. С высоким уровнем достоверности.

– А эффект от диагноза был положительный или отрицательный?

– Положительный. Если меня порицают за какое-то поведение, я говорю: «У меня Аспергер». – Он похлопал по своему велосипедному шлему. – Незачем даже демонстрировать какую-то связь между диагнозом и поведением. После такой фразы меня оставляют в покое. Все, кроме Фрэнсис. Она в таких случаях говорит: «Ты не Аспергер, ты Ласло Гевеши». Это справедливо. Но отсылка к синдрому Аспергера – хорошая аппроксимация для рабочей среды.

– Как ты думаешь, одиннадцатилетнему ребенку это пойдет на пользу – иметь диагноз «аутизм»?

– Зависит от того, хочет ли ребенок, чтобы его оставили в покое. Если хочет – то, возможно, да. Если нет – ничего не могу сказать по этому поводу. Как идет твоя работа над онкологией?

– С большим трудом осваиваю программу анализа данных.

– Скажи, если понадобится консультация. Ученые должны помогать друг другу.

– Почему ты решил позвонить мне именно в это время? Таково стандартное телефонное приветствие Исаака Эслера. Собственно говоря, это профессиональная психиатрическая шутка, но можно расценивать его шутки как вполне серьезные утверждения – работает столь же эффективно.

– Я решил позвонить, потому что у нас некоторые проблемы с Хадсоном. Я выбрал именно это время, поскольку в такой час мы оба должны бодрствовать. – В Нью-Йорке сейчас было половина восьмого вечера.

– Дон, ты же понимаешь, что я не могу дать тебе профессиональную консультацию по телефону, не видя Хадсона. Да и наши с тобой отношения мешают объективной оценке. Я бы тебе сказал – обратись к кому-нибудь из местных специалистов, но... в этой сфере столько некомпетентности. Ты же не хочешь, чтобы его накачали D-метамфетамином по итогам пятидесятиминутной консультации с юным австралийским врачом, который полагает, будто «фрейд» – это способ подачи риса.

Как всегда, Исаак выпутался из своего этического утверждения с помощью разветвленной системы аргументов. Мы проговорили с ним два часа семь минут. Его жена Джуди принесла ему ужин прямо к телефону. Исаак выказал странный интерес к взаимоотношениям Хадсона с Бланш.

– Мы же знаем, что *cause célèbre*⁸ антипрививочного движения – мнимая связь вакцинации с аутизмом. Который, в свою очередь, демонизируется. И я намеренно употребляю этот глагол, ибо считаю, что религиозная аналогия здесь уместна. И вот юная особа, которую вырастили в такой убежденности, завязала отношения с молодым человеком, который – во всяком случае, если верить тому, что она, вероятно, слышала в школе, – может оказаться аутистом. Сколько им сейчас?

– Хадсону одиннадцать.

– М-м-м. Я бы очень хотел с ней встретиться. И с матерью.

– А что насчет Хадсона?

– Трудно исследовать этот вопрос, пока ты не скажешь мне, что именно утаиваешь.

– По поводу чего?

– По поводу того, что происходит в твоей жизни. Или происходило.

– Много всего...

– Начни с таких слов: «Я заметил совпадение...» или «Удивительная параллель с тем, что сейчас происходит с Хадсоном...».

– Я заметил совпадение с моим собственным школьным опытом... – Тут мне сам собой явился ответ получше. – Мне тоже предложили обратиться за такой диагностикой. В университете.

Следующий вопрос Исаака оказался вполне предсказуемым:

– Как по-твоему, возможно ли, чтобы эти два факта были как-то связаны между собой?

– Безусловно, нет. Никакой зависимости. В школе совершенно не осведомлены о...

– Но учитель встретился с вами, когда ты думал над тем, не пройти ли диагностику самому? И затем предположил, что ее имеет смысл пройти Хадсону?

– Я не упомянул о своей ситуации в разговорах с учителем.

– Дон, ты уже должен бы знать, что не следует ограничиваться лишь рассмотрением очевидного.

Поскольку было уже поздно (по крайней мере, в Нью-Йорке), мы сошлись во мнении, что я не должен проводить отдельную беседу с Джуди – даже просто для того, чтобы подчеркнуть для нее преимущества беспроводного телефона. Как всегда, Исаак предложил захватывающие умозаключения. Но я – пока – не имел ни малейшего представления о том, как претворить их в действия.

Я поднял проблему Хадсона в разговоре с Джорджем и Дейвом во время нашего традиционного еженедельного Вечернего мальчишника в городе. Название, присвоенное нашим трехсторонним дискуссиям по скайпу, вводило в заблуждение всеми своими компонентами: мы уже давно не являлись мальчишками (Джорджу было семьдесят шесть); в Мельбурне было

⁸ Здесь: наиболее громкая и скандальная претензия (*фр.*).

семь утра (хотя в Нью-Йорке еще стоял поздний вечер); кроме того, «в городе» подразумевает пребывание на улице, в клубе, баре и т. п., однако все мы находились у себя дома.

– В школе требуют, чтобы Хадсона проверили на аутизм, – объявил я, дождавшись, когда на экране появятся аватарки Джорджа и Дейва.

– И тебе доброго утра, Дон, – отозвался Джордж. – Как погода, как Розы, как твой папаша? И у меня тоже все отлично, спасибо, только мне что-то скучновато. Подумываю перебраться назад в Англию. Или, может, эмигрирую в Австралию. Сдается мне, там сильно не хватает барабанщиков – судя по той музыке, которую вы у себя клепаете. А у тебя как жизнь, Дейв?

– Без перемен. Соня до сих пор рвется на стажировку в какой-нибудь из филиалов. Пока она ее не пройдет, ей не дадут повышения. А мне сейчас только переезда не хватало. У Фульвио колики, просыпается каждый час. От антидепрессантов, похоже, вообще никакого проку, только вес скачет как черт-те что. Ты лучше нам расскажи, что там с Хадсоном. Отвлеки меня от моих печалей.

– Ладно, – согласился Джордж, – сначала про Хадсона. Но мы с тобой еще не закончили, так и знай.

– Я могу тебе сразу сообщить, что сказала бы Соня, – заметил Дейв, обращаясь ко мне.

– Превосходно, – ответил я. – Значит, можно будет не звонить ей отдельно.

– Я буду с тобой начистоту, потому что это же ты. Она считает, вы оба слишком много работаете и поэтому упускаете возможность нормально следить, как ребенок растет. Она говорила, Розы правильно сделала, что перешла на неполный день, но ты совершенно зря и работаешь, и исследованиями занимаешься. Она бы сказала: «Меня не удивляет, что у Хадсона проблемы».

– Вот тебе, – произнес Джордж.

– Извини, – сказал Дейв. – По правде говоря, Соня с радостью бы поменялась с вами местами. С тобой и с Розы. Она бы с удовольствием работала на полставки, а в остальное время сидела с Зиной и Фульвио, а я бы вкалывал сверхурочно, чтобы скопить им на колледж. А играл бы с ними только по выходным.

– А ты-то сам что думаешь, Дейв? – спросил Джордж. – У тебя бывают такие трудности с Зиной?

– Два совершенно разных случая. Она девочка. В школе, где учится Хадсон, я видел детей, похожих на него. Но все они – мальчики.

Мы с Джорджем некоторое время молча ожидали, что Дейв продолжит. Прервав его, я невольно стал причиной разрыва логической цепочки.

– Я всегда был парень крупный, – сообщил Дейв. – Даже в школе. Но никто мне ничего такого не говорил, пока однажды, один-единственный раз, один парень не обозвал меня жиртрестом. И после этого меня всегда только так и называли – жиртрест, жиртрест... Пока мы не закончили школу. Но я знал, даже еще когда все это только началось, что, если сброшу вес, кличка никуда не денется. И иногда, когда я пытаюсь удержаться и не есть бургер, думаю: да какого черта, что я ни делаю, все равно останусь этим самым жиртрестом.

– Ну как, дошло до тебя сравнение, Дон? – осведомился Джордж.

– Разумеется. – Теперь я гораздо лучше справлялся с аналогиями, чем раньше. – Тучность приравнивается к аутизму. Верно?

– Верно, – отозвался Дейв. – Ежели дать псу злобную кличку...

– Какому псу?

– Это просто поговорка такая. Пес – это был я. А как у тебя с этим было, Джордж?

– Если мы про клички, то, когда я ходил в школу в Лондоне, там меня прозвали «утырок», потому что я с Севера, тогда так часто звали северян. И я был не слишком здоровенный, так что ничего с этим поделать не мог. Прозвище, знаете ли, не слишком ласковое. И мне толком

ничего не давалось – ни учеба, ни спорт, ни что-нибудь такое. И один ублюдок вечно до меня докапывался. Один раз я из-за него даже в больницу загремел, и все равно ему ничего не было.

Но потом я неплохо научился всего одной штуке – играть на барабанах. И стал рок-звездой. И мне теперь было начхать, что там они про меня думают. Они – со своими дерьмовенькими работенками. Таксисты, сантехники, клерки во всяких дебильных адвокатских конторах. А я – на сцене. Делаю то, о чем они только мечтать могут. Лучшая работа на свете. Любые телочки и вещества, какие только захочешь...

– Значит, – заключил я, – ты советуешь то же самое, что посоветовал Фил: перетерпи школу, поскольку когда-нибудь потом жизнь наладится?

Когда я повторил данный тезис сам, мне показалось, что это чудовищная жизненная философия для одиннадцатилетнего ребенка, которому до окончания школьного образования остается шесть с половиной лет. В процентном пересчете на период, который он пока прожил, получалось: с таким же успехом я мог бы сейчас смириться со своими несчастьями, надеясь, что жизнь наладится после восьмидесяти одного.

– Да, как-то так, – подтвердил Джордж. – Мне надо было только до конца школы дотянуть. Но я тебе вот что скажу: если бы я тогда знал то, что сейчас знаю...

Дейв что-то произнес, но я не обратил на это внимания. Джордж только что дал мне решение проблемы. Решение всех проблем.

11

Если бы я тогда знал то, что сейчас знаю. В университетские годы – и даже позже – я часто, лежа в постели, фантазировал о том, что бы сделал в школе, повернись время вспять. С тех пор прошло еще тридцать лет, и, зная то, что я знаю сейчас, я мог с уверенностью сказать: если бы я воплотил эти фантазии в жизнь, стало бы только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.